

ТИАРА БОЛИ

18+

Артур Александров

Артур Александров

Тиара боли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Александров А.

Тиара боли / А. Александров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03495-2

В стенах элитного борделя обречённого на муки пленника ждут только пытки и гибель. Сад наслаждений и грёз имеет собственную преисподнюю, где избалованные клиенты могут воплотить любые прихоти и фантазии, не задаваясь вопросами об истинной природе этой обители запретных удовольствий. И даже ведущие сомнительное расследование сотрудники спецслужб не представляют, кому они бросили вызов. Здесь воцарились силы иной, жестокой и глумливой реальности, но из пустоты небытия протянулась костлявая длань, и сама Смерть обратила хладный взор на пламя страстей...

ISBN 978-5-532-03495-2

© Александров А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвёртая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Артур Александров

Тиара боли

Пролог

Изысканный стиль роскошных покоев был представлен в сочных оттенках красного цвета и благородных тонах черного шоколада, являя собой превосходное решение неизвестного дизайнера, объединившего современную лаконичность прямых линий с вычурной красотой ушедших лет. В приглушенном свете витали пряные и амбровые ароматы, зарешеченные вытянутые окна сочились апрельскими сумерками сквозь витиеватые прутья. Здесь ощущалась неколебимая власть чувственных желаний и терпких, затаённых мыслей, подчиняющих разум. Но, несмотря на уверенное богатство внутреннего пространства, вся комната казалась какой-то дымчатой и зыбкой – будто существовала только в чьем-то распаленном воображении.

На тибетском ковре из шерсти и шёлка, устилавшем артериально-алый пол, в позе эмбриона лежал обнаженный молодой человек со следами истязаний на поджаром теле. Он был чисто вымыт и ухожен, но измучен стыдом и болью. Спрятав в ладони красивое лицо, юноша забылся тревожным, болезненным сном. И снились ему далёкие, забытые всеми хрониками, времена, полные невероятных чудес и непознанных тайн. Странная и мечтательная реальность, столь чуждая его собственному жестокому миру. Исчезнувшая из людской памяти эпоха, которой словно и не могло быть в Истории. И все же...

В ласковом огне солнечного света, озарявшего благословенный вечноцветущий край, сияли золотые шпили двенадцати башен императорского дворца. Они вздымались над плодородными землями, тысячелетиями не знавшими горя и бед, где в довольстве и благополучии жил народ могущественной империи, славя своих владык и твердо блюдя законы доблести и чести. И когда распахнулись высокие створы врат скульптурной стены, окружавшей обитель императоров, то ликованием встретили улицы столицы молодого наследника трона, отправлявшегося в дальний поход.

Ослепительным блеском вспыхнули грани чистейших алмазов в его венце. Гордо и надменно сидел он на белоснежном жеребце, небрежным взмахом руки приветствуя своих подданных. Тицеславие и самолюбие принца не умалили всеобщей любви, окружавшей его род от самых древнейших эпох. Вдали от границ благословенного края гремели бури беспокойного мира, но люди империи без тени сомнений верили короне, и ждали новых победоносных свершений от возлюбленного наследника.

Далеко за пределы его будущих владений, к неведомым опасностям и жестоким землям, лежал путь венценосного юноши. Но не найдется силы, равной той, что будет окружать принца нерушимой защитой. Плотными рядами строились грозные всадники за его спиной. Чистым золотом блистали доспехи воинов императорской гвардии, равных которым не было и не будет в поднебесном мире. В лучших кузнях самые умелье мастера днями и ночами ковали их оружие и броню, а легенды говорили, что эти воители, как один, являлись плотью от плоти потомками величайших героев. И запели, возвещая начало похода, боевые трубы, а на высоких пиках затрепыхались белые знамёна с шитым золотом изображением дракона, расправившего крылья над зубчатой короной – древним гербом великого рода Хранителей Света.

Тяжелая дверь распахнулась бесшумно, но юноша вздрогнул и со стоном проснулся, открыв испуганные глаза. Странный сон покинул его, и растаяло в забвении великолепие сказочного дворца. В комнату вошла статная высокая девушка, игриво сжимавшая в сильных пальцах плеть-многохвостку. Короткое агрессивное платье, обтягивающее стройное тело как

вторая кожа, сидело безупречно на упругих формах. Высокие сапоги довершали соблазнительный фетишный наряд. Сквозь правильные тонкие черты лица проступила глумливая жестокость, украшенные татуажем чувственные губы искривились в похотливой усмешке.

– Ну здравствуй, любимый. Знаю, ты уже соскучился по мне.

Глава первая ШАГ В ПУСТОТУ

Ощущая приятную сытость после умеренного обеда, подполковник неспешно листал отчеты оперативников. Ничто сегодня не портило его настроения: на рассмотрение следователя Особо Отдела в этот раз попали материалы малозначительного содержания. «Полевые» сотрудники отличались усердием, но им не хватало умения четко квалифицировать факты. Равнодушно пожав плечами, Антонов отложил бумаги и закрыл электронные документы. С сибаритской ленцой он поднялся с удобного кресла, одернул сомнительно сидевший на плотной фигуре пиджак, постаравшись придать лицу положенное выражение внимательной готовности – начальство объявило незапланированное совещание. Покидая кабинет, офицер был спокоен – день, полный рутинной работы, предвещал лишь новые отчеты и согласования.

Длинный коридор неприметного здания, блиставший медицинской чистотой, пустовал, напоминая об увеличившейся занятости всего штата ведомства. Трясина сегодняшней меланхолической деятельности подполковника была лишь кратковременной передышкой. За плотно закрытыми дверями кипела работа, специфика которой способна была привести к умопомешательству неподготовленного обывателя, и ее объемы пугающе возрастали. На уровне отчетов и докладов, зачастую ложившихся на стол – страшно сказать – первым лицам государства, звучали оптимистичные ноты, описывающие повышение эффективности выявления и раскрытия дел. В ответ руководство Отдела всячески поощрялось из средств федерального бюджета, и центральный офис ведомства, напичканный новейшими плодами научно-технических достижений, уже походил на штаб-квартиры суперзлодеев из «бондианы».

Но редкими меланхолическими вечерами, когда Алиса и дети уезжали на выходные к ее родителям, оставив мужа погребенным под ворохом взятой на дом работы, Антонову все же приходилось разгонять скребущих на душе невидимыми лапами кошек. Слишком долго он служил в самом засекреченном ведомстве силовых структур, слишком много видел, и слишком много так и не смог понять. Тайны иной реальности не поддаются каталогизации и штампованному мышлению, и последний Хэллоуин убедительно подтвердил непредсказуемость другой стороны мира. Что-то медленно, но неудержимо ползло со страниц истлевших манускриптов, так и не прочитанных никем из современников, в их привычный мир. Что-то чуждое даже безумным пророкам, адептам и самым противоестественным существам, но неразрывно связанное с самой сутью бытия. Но солнечные и пасмурные утра равно привычно развеивали тени тревог, вновь и вновь зачиная новые дни, чтобы существующая реальность продолжала казаться людям незыблемой и вечной.

– У нас сегодня «квартирник» в узком кругу, – как всегда полусерьезно произнес полковник Борисов, когда следователь деликатно продемонстрировал легкое удивление, войдя в кабинет начальника.

Кроме директора Отдела – корпулентного мужчины с цепким насмешливым взглядом за стеклами очков в тонкой металлической оправе – в помещении присутствовал и человек более высокого ранга. Некоторое время после должных приветствий министр сохранял снобистское молчание, которое, впрочем, скоро оказалось напускным. Тем временем, полковник начал доброжелательно расспрашивать подчиненного о текущих делах.

– Так ты уже ознакомился с последней информацией по подмосковному поселку? Интересные обстоятельства, не правда ли? – произнес Борисов, выжидающе смотря на все еще испытывающего некоторое недоумение Романа Андреевича.

Несмотря на явный подвох в простом вопросе, подполковник решил отвечать честно:

– Простите, Николай Львович, но на мой взгляд произошедшие события имеют вполне естественную природу.

Всего час назад он с недовольством прочитал отчеты о вандализме на небольшом пригородном кладбище. Обычная история – перевернутые кресты, поврежденные памятники, и – что уже хуже, но тоже не ново – разрытые могилы. Рядом были найдены часть орудий преступления: лопаты, кирки и молотки. В Отдел попадает немало «постороннего» материала, но подобные документы должны проходить отбор на нижних уровнях, а не отнимать время ведущих следователей ОО.

– И что же, по твоему мнению, там произошло? – спокойно поинтересовался Борисов, жестом предлагая Антонову присесть.

– Если это не обычные вандалы или сатанисты, – пожал плечами подполковник, отодвигая стул и усаживаясь с коротким вздохом (чувствовалась тяжесть в животе – пора бы уже начинать питаться правильно), – то, в худшем варианте, возможно что-то вроде той семейки некрофилов, которых оперативники взяли в прошлом году.

Мерзости в мире хватает и без паранормальных явлений. Увлечшись, Антонов припомнил маньяка-кукольника, изготавливавшего свои игрушки из мертвой плоти и дешевой материи, и любовников-людоедов (эти, правда, предпочитали свежую мертвечину). Полковник согласно кивал коротко стриженной головой, министр хранил упорное молчание, разглядывая портрет главы государства на противоположной стене. Дав своему подчиненному волю поговорить, Борисов все так же миролюбиво продолжил:

– Значит, ничего подходящего специфике нашей работы. Допустим, – чуть прищурился он, сделав короткую значимую паузу, – Но ты не можешь просто так отбросить тот факт, что отвечаешь на эти вопросы в моем кабинете и в присутствии Дмитрия Геннадьевича.

При этих словах, министр дернул уголком губ. Он был сухошав и подтянут, но не являлся фанатом чистоплотности: сорочка под черным пиджаком была не глажена, а жесткий воротничок утратил белизну. Следователь знал государственного деятеля как человека вспыльчивого, неоднозначного и имеющего немало противников.

– Ваша правда, Николай Львович, – сказал Антонов ироничному начальнику, – Здесь явно просматривается мое упущение.

– Но раз уж я так наглядно поддержал твои аргументы, то прибегнем к солдатской смекалке, – не меняя тона продолжил Борисов, – Если само действие не имеет весомых характеристик, то, быть может, дело не в действе, а, скажем, в месте его совершения?

Подполковник на мгновение задумался, припоминая мельком знакомые места. Рядом – озерцо и умеренный лесной массив. По соседству – два аналогичных населенных пункта и коттеджный поселок. А чуть дальше... Антонов бессознательно хлопнул ладонью по столу, и тут же извинился, но оба мужчины лишь понимающе усмехнулись.

Гоморра.

Так вот оно что... Элитный лупанарий для очень обеспеченных и взыскательных клиентов, заведение сверхзакрытого типа, собиравшее в своих стенах самых отъявленных извращенцев и сластолюбцев. Законность деятельности этого учреждения никогда не интересовала Романа Андреевича, равно как и предлагаемые им услуги, но он никак не ожидал здесь, в главном управлении Отдела, вести разговор о простом борделе, пусть даже и космически дорогом. Следователя передернуло: неужели кто-то «наверху» додумался...

– Вы хотите обеспечить покой клиентам некоего полуполюгального учреждения? – максимально невинно поинтересовался Антонов, внимательно следя, чтобы в его голосе не прозвучало никакого эмоционального окраса.

Эти слова мгновенно разбудили реакцию министра, скрежетнувшего зубами от злости:

– Не смейте даже думать, что я поддерживаю существование подобных притонов, – чуть вытянутое, породистое лицо исказилось в гримасе брезгливого негодования, – Мы уже много лет пытаемся избавиться от этого позорного пятна на карте столичной области!

Лупанарию не нужна была «крыша» в привычном понимании этого слова – когда абстрагированные от опекаемой деятельности коррумпированные «верхи» просто получают немалые средства за свою защиту. Нет, борделю вполне хватало собственных клиентов, сражающихся аки львы на бюрократическом поприще за существование своего «игрового дома». Основным аргументом в «дворцовых» перипетиях, когда за увеселительное заведение силовики в очередной раз брались всерьез, была настойчиво-убедительная просьба не лишать скромной и безобидной радости заслуженных людей. Мол, у каждого есть свои слабости, и должно в разумных пределах поощрять утомленных заботами о государственных делах слуг народа. Слуг этих было немало и все исключительно на ответственных должностях. Мягко говоря, нешуточная опора.

– Только не говорите, что и вам доводилось стучаться в «красные двери», – вдруг вскинулся еще больше министр, уставившись серыми требовательными глазами на Антонова.

– Нет, – вежливо ответил подполковник, – Мне название не понравилось.

Борисов одобрительно хмыкнул. Ворчливо засопев, министр продолжил:

– Вам, должно быть, неизвестно, но с недавнего времени ситуация вокруг... объекта несколько обострилась. Споры с нашими оппонентами зашли слишком далеко. Думаю, теперь это можно назвать прямым противостоянием – что, конечно же, заметно вредит совместной работе. Но у них, – министр скривился, говоря о влиятельных заступниках разврата, – не хватает сил окончательно заткнуть голос разума и наш – своих оппонентов. А у нас, в свою очередь, не хватает политического веса инициировать прямое расследование и вывернуть наизнанку это осиное гнездо со всеми его секретами. Все попытки увязают в бюрократии и процессуальных препонах, – безнадежно махнул рукой Николай Львович с нескрываемой досадой.

– Ведомствам с активной позицией не хватает полномочий, – понимающе кивнул Антонов

– Я так и сказал, – буркнул министр, – Всем, – тут он глухо постучал по полированной поверхности стола, – кроме этого.

В ветвистом дереве власти всегда находилось место для кривого сучка структур, занимавшихся вопросами, выходящими за грань привычной реальности обывателей. Как только не глумились прочие ведомства над «охотниками за привидениями», вынужденными в былые времена вертеться как грешники на сковородах, чтобы работать в условиях скептического пренебрежения со всех сторон. Даже некоторые договора международного сотрудничества не спасали их репутацию. Но пришло время перемен.

Однажды, один из финансовых столпов нынешнего капиталистического общества, очнулся после наркотического угара на своей яхте в крепких объятиях бывшей любовницы. Той самой, что была найдена утонувшей, и скромно похоронена за месяц до страшного акта соития. Только железные нервы магната, закаленные в былые, смутные для страны времена, спасли его от гостеприимных стен психиатрической лечебницы. С трудом оправившись благодаря заботе дюжины эскулапов, серьезный человек не стал забывать «страшный сон», а поступил привычным для себя способом – начал искать союзников в борьбе с новой, опасной угрозой. И нашел.

Вечная и неизменна мудрая истина, о которой знают все: ни богатство, ни социальный уровень не гарантируют личного счастья – да и счастья вообще, особенно для женской души. Даже если она принадлежит второй леди государства. Страдавшая от депрессии и алкоголизма супруга самого премьер-министра летним вечером растаяла в самобичевании настолько, что потеряла ни много ни мало, а коляску с собственным ребенком. Как оказалось – не без посто-

ронней помощи. Охрана быстро и четко исполнила свой долг, обнаружив на прилегающей улице похитителя, мерно катившего пропажу куда-то в сумрак сгущающихся вечерних теней. Позднее, все они были уволены – за то, что не смогли задержать преступника и за глупые рассказы о том, как злодей раскидал четырех сильных тренированных мужчин, и скрылся, якобы не единожды раненый. Вскоре, перепуганная мать заперлась в своем доме вместе со спасенным сыном, но опасность была не снаружи, а внутри. Через день, вскрыв запертую комнату, сотрудники безопасности нашли ее тело, покрытое гноящимися ранами, имевшими форму укусов маленьких, но острых зубов. Здесь же был найден и ребенок – висящим на потолке вниз головой, уцепившись ногами за антикварную люстру.

Когда-то, в уже позабытые хищные годы разрухи и безвластия, даже самые жуткие события покорно вливались в привычную цепочку бед и смертей. Но сытые времена порождают Страх. Беспечная дерзость и наглая отвага уходят вместе с эпохами бунтарства и риска, уступая место осторожному благоденствию и высоким заборам вокруг растущей зоны комфорта. Растревоженные власть имущие вдруг вспомнили про покрытые пылью кабинеты сомнительных ведомств, и на столы в высоких кабинетах легли архивные документы и сводки по текущим делам еще разрозненных специалистов по аномалиям. На неясные отчеты и слабодоказанные сомнительные факты «наверху» впервые взглянули под другим углом. И ужаснулись.

Особый Отдел был сформирован под жестким контролем и в кратчайшие сроки. Имея поддержку на всех уровнях, «охотники за привидениями» наконец заработали в полную силу. Знакомясь с результатами первых этапов функционирования ОО, его патроны теряли сон, здоровье и аппетит. Было принято твердое решение: любыми средствами дать отпор пока еще безымянным силам и не только прервать череду трагедий, но и оградить общественность от слепой паники, а существующее государственное устройство – от ненужных потрясений.

И произошло невероятное. Вечно соперничавшие и противостоявшие друг другу классы объединились. Хромой чиновничий аппарат, правительственные и околоправительственные силы, военные структуры, финансовая элита и теневая экономика – все в один голос требовали предоставить Отделу самые широкие полномочия. И отчаянно принялись затыкать честным и нечестным путем накопленными средствами зияющие дыры в темных углах, откуда в роскошные дома просачивались тени детских кошмаров. С многократно усилившимся потоком финансирования и резким ростом ведомственного статуса, ОО постепенно раздулся до значимой величины, с которой теперь приходилось считаться каждому, как на местном, так и на федеральном уровнях. Острые языки переименовали структуру из попово-фантастического «X-Files» в инквизицию. Теперь, стоило хоть кому-то из серьезных людей попытаться чинить препятствия работе Отдела, как все прочие тут же набрасывались на него с неистовостью по-злему испуганной толпы. Личности, способной ради своих сомнительных интересов бороться в формате «один против всех» в государстве не нашлось. И перед странным ведомством открылись все двери.

Разумеется, страх не лишил власть имущих осторожности полностью. На должность руководителя Отдела (за вычетом формализованных назначений ответственных с генеральскими погонами) был посажен человек способный и деятельный, но известный своей лояльностью и умением хранить чужие секреты. В этом ко всем сотрудникам ведомства была проявлена вполне понятная твердость – за открытыми следствию дверями некие вполне естественные факты смердели не меньше аномалий. Строжайше запрещено было использовать либо оглашать полученные данные в любых целях, выходящих за рамки непосредственной деятельности – таково было негласное соглашение, обеспечивающее всестороннюю поддержку ОО. Что ж, видимо годы службы «с закрытыми глазами» утомили полковника.

Видя, как на лице Антонова отражается постепенное понимание происходящего, министр удовлетворенно кивнул.

– Я очень рассчитываю на ваше содействие.

Промолчав, подполковник перевел взгляд на своего начальника. Директор вздохнул и поведал тоном мудрого старца:

– Ты знаешь, Рома, что в мире немало религий проповедуют снисхождение и терпимость, как и духовную индульгенцию. Но это не мешает их последователям, сохраняя верность своим убеждениям, убирать кучи нечистот от парадного входа, порою, вместе с тем, кто их оставил.

Обманчиво-безмятежный день, как это часто бывает, обернулся большими трудностями. В целом, Антонов понимал и поддерживал позицию руководства. Об элитном борделе давно ходили нехорошие слухи, да и всем известно, что, говоря прямо, богатые извращенцы не мелочатся в своих удовольствиях, нередко граничащих с жестокостью. Принимать решение о целесообразности риска репутацией и выгодным положением Отдела не входило в компетенцию следователя, равно как и обсуждение довольно примитивной хитрости министра. Но вот техническая сторона вопроса...

– Итак, вы хотите, чтобы под прикрытием расследования каких-то кладбищенских беспорядков, я подобрался к секретам Гоморры? Звучит довольно неубедительно. Но даже если это возможно – предлагаете искать в стогу сена не то чтобы иголку, а лишь нитку, ведущую к ней?

– Конечно, в одиночку такую задачу не решить, – уже более мягко, почти вкрадчиво, ответил министр, – Но все, что нужно в помощь, у вас уже есть. Полковник, – Дмитрий Геннадьевич без особой нужды указал на Борисова, и тот жестом выразил полное согласие, – с удовольствием подпишет ваш запрос на использование спецгруппы. Нужен лишь стоящий повод.

– Все последствия излишнего рвения, я беру на себя, разумеется, – заверил Николай Львович, Кристина уже будет знать, что нужно искать.

Выбор командира спецгруппы был предсказуем – генеральская дочь-бунтарка, возглавлявшая один из отрядов бойцов Отдела, обладала хищной смекалкой и отлично разбиралась в закулисной кухне. Она была настолько хороша, что знала об этом – и самолюбие вкупе с колючим характером едва не разрослись до опасных размеров. Лишь события прошлого года осадили вздорную командиршу. Кристина Карцева повзрослела не когда рисковала жизнью в боях, а среди безупречной мерзлой красоты чудовищного творения. Там, смотря в мертвые глаза ледяных, будто стеклянных кукол, целыми семьями застывших в беспомощном страхе, молодая девушка наконец поняла, что их работа – вовсе не криминальный триллер, и не полицейский боевик.

– Не мне вас учить, – продолжил не любивший затянувшиеся паузы министр, – причинно-следственным связям. Пусть это будут следы протекторов шин, ведущие к территории борделя или случайные свидетели, или, – тут он поморщился, – иные факты, по заключению ваших экспертов приводящие к красным дверям. Любая обнаруженная вами аномалия позволит делу остаться в сфере деятельности Отдела, ну а уж тогда, по неким следам, вы ворветесь в этот притон на коне. По вашему заключению ОО присылает спецгруппу, они вскрывают чертов гнойник, и вот мы наконец с полным правом найдем в этой куче навоза столько иголок, что ими можно будет унизать до состояния ежа каждого защитничков притона.

Под неоднократно использованным местоимением «мы» несомненно скрывался целый блок противников разврата. Без серьезной поддержки даже федеральный министр не решился бы на подобную авантюру – уж больно топорно выглядела комбинация.

– Дмитрий Геннадьевич хочет сказать, – счел нужным пояснить полковник, – что, как только серьезные свидетельства лягут на стол к..., – тут он многозначительно возвел глаза к потолку, – то оппоненты будут слишком заняты попытками сохранить в тайне ненужные подробности своих посещений Гоморры. Им станет уже не до защиты этого...гм...учреждения. В дальнейшем это послужит уроком многим.

– А нам все сойдет с рук? – не удержался от провокационного вопроса Антонов

– В общем-то, да, – пожевал губами Борисов, – Но ты все же постарайся там как-то поответственнее в своем расследовании.

Роман Андреевич замолчал, мысленно перебирая возможные варианты добиться задуманного заговорщиками. Видя его колебания, начальник решил быть убедительнее:

– Поверь мне, за этим борделем действительно числятся делишки похлеще обычной наркоты и членовредительства. Мы все, что уж греха таить, нередко способствуем попустительству некоторых проступков в верхних слоях общества, включая самих себя. Но у всего есть предел. Допускать подобное моральное разложение в среде людей, обличенных властью просто преступно. И не будем забывать о том, что мы живем в век цифровых технологий, когда тайное все чаще становится явным. Тупое упорство любителей клубнички должно быть наконец сломлено.

Сколько ни старался, Антонов не смог найти обоснованных мотивов участия полковник в предстоящей кампании. Пришлось признать, что боевой в прошлом офицер действительно проникся доводами министра и теперь руководствовался личной позицией – твердой убежденностью в правоте и необходимости планируемого деяния.

На своем веку бывалый следователь повидал немало сластолюбцев – одних с фанатично загорающимися глазами при слове «секс», других – сухо-приличных с виду, морщившихся на всякую пошлость моралистов. Оба этих вида не имели ни возрастных, ни гендерных различий. А также, не удерживались ни семейными, ни какими-либо иными обязательствами от стремлений утолить вечный жажду. Первые вызвали отвращение своей тошнотворной приторностью, вторые – двуличностью. Конечно, имелась еще и огромная масса простых любителей изредка побаловать себя или скрасить одиночество. Но вряд ли безумные цены услуг в Гоморре приванивали случайных блудодеев, для них хватало и иных, менее претенциозных заведений.

В целом, выходило, что полковник и вышедший на тропу войны министр были кругом правы. Этот «притон разврата» в пригороде Москвы действительно было опасным явлением, и дурные слухи о лупанарии ходили давно. Там, где все дозволено и оплачено, человеческие страсти рушат всякие границы и вырываются за горизонты болезненных фантазий. Моральные ценности теряют смысл, а вслед за ними тает и уважение к человеческой личности. Это чаша, которую никогда не испить до дна, ведь страсть – сильнейший наркотик.

– Надо ехать, Рома, – отеческим тоном подвел итог Борисов, – Такая возможность представится еще не скоро. Идеальный баланс сил, эффект внезапности и настоящий предлог. С чертовыми могилами и правда что-то нечисто, если уж по-честному.

– Не думаю, что вкусы клиентов борделя настолько разнообразны, – буркнул Антонов и передернулся, мысленно обругав живое воображение.

Поставленная перед ним задача казалась настолько же простой, насколько являлась сложной. Во-первых, учреждения подобного типа, как правило, имеют несколько уровней защиты, и службы безопасности их довольно специфичны. Устранение одного из ведущих следователей Отдела – шаг совершенно безумный, но загнанные звери не разборчивы в средствах. Во-вторых, можно, конечно, положиться на избалованность сутенерской клики вследствие многолетнего статуса неприкосновенности, но и являть излишнюю самонадеянность не стоит. Заведения означенной сферы привыкли очень глубоко прятать свои тайны – если они вообще имеются, и ишейки не окажутся в обычном ворохе грязного белья в прямом и переносном смысле. Ну и в-третьих, провокационная деятельность для подполковника была в новинку. Что-выдумывать и перемешивать два расследования, сохраняя видимость четко упорядоченных действий – та еще работка.

Довольный министр покинул кабинет начальника Особого Отдела в приподнятом настроении. Предоставив офицерам разбираться в деталях, он спешил по текущим делам. В этот день Дмитрий Геннадьевич с особым наслаждением общался с недружественными элементами, подогревая свой политический аппетит запахами окорочков подложенной им свиньи.

А, тем временем, следователь ОО, вернувшись в свой кабинет, и все еще ворча про себя, усиленно ознакомился со скухими данными по закрытому объекту. В графе о сроках исполнения этого задания значилось «вчера».

Дверь распахнулась после короткого стука, и в кабинет поспешно вошел опрятный и одетый со вкусом молодой эксперт. Он получил эту работу совсем недавно, но совершенно не выказывал положенной растерянности, свойственной новичкам Отдела. Смугловатое лицо юноши дышало оптимизмом, тёмные смысленные глаза смотрели с вежливым любопытством.

– Вот хотел тебя спросить, Тимур, – иронично-расслабленным тоном произнес подполковник, – Как ты относишься к адептам продажной любви?

Молодой человек поперхнулся, но бойко ответил:

– Я к ним, Роман Андреевич, не отношусь. Надеюсь, и не придется.

Антонов хмыкнул, предложил молодому человеку кофе, и приглашающим жестом указал на стул с высокой спинкой за столом напротив себя.

– Знаешь ли ты историю греческого бога Эроса? – со вкусом начал следователь, когда Тимур уселся поудобнее, ловко уклонившись от пары тяжелых капель, упавших из чашки густого напитка в руке

Не дожидаясь ответа, Роман Андреевич начал небольшой экскурс в легендарииум древнего мира.

– Он был сыном Афродиты и Ареса, диковинным плодом любви и войны, и вовсе не походил на нынешние коммерческие изображения пухлого голого пупса, каким его позднее сделали римляне.

– Да, я читал. В детстве, – улыбнулся Тимур

– На мой взгляд, – вздохнул подполковник, – Зевс был совершенно прав, предполагая, что ничего хорошего от подобного союза не народится. Но громовец не преуспел в своих попытках избавиться от мальчишки. И золотоволосый карапуз вырос в жестокого насмешника, от стрел которого страдали даже боги.

Молодой человек покопался в памяти, и мысленно извлек запылившиеся архивные папки, в которых говорилось о безобразиях дерзкого Купидона.

– Можно предположить, что, в отличие от поэтических чувств, которыми одаряла людей богиня любви, её непутевый сын извергал в мир все существующие извращения и болезненные страсти, – подхватив университетский тон следователя, произнес юноша. Роман Андреевич одобрительно кивнул понятливому эксперту, и подвел итог:

– Выходит, что это, как говорится, «наш клиент».

– Греко-римский языческий бог? – вежливо уточнил Тимур, почти не выказав недоверчивости.

– Ага, – бесстрастно ответил подполковник, – Он самый.

Затея руководства все еще казалась Роману Андреевичу слишком немудреной и опасной хитростью. Но приказ есть приказ, хоть бы даже и не официальный. Никогда не обладавший сварливым характером подполковник, вынужденно вернувшись из области легенд к информативным фактам, теперь излагал суть с брюзгливым ворчанием. Несколько опешивший от нестандартной ситуации эксперт, все же схватывал на лету тонкости предстоящей работы.

– Полиция нравов, – иронично заключил Тимур, и обратился к личному мнению подполковника, – Так этот бордель действительно заслуживает такого внимания, на ваш собственный взгляд?

– Кто и какие цели преследует в этой склоке – не нашего с тобой ума дело, – внушительно сказал Антонов, – Но место на самом деле сомнительное и порядком с гнильцой. Так или иначе, сказано – будем исполнять.

Роман Андреевич не нашёл смысла в излишней таинственности, и не стал скрывать от помощника высоты уровня заинтересованных лиц. По обновленному Положению, следова-

тели-одиночки остались в прошлом. Теперь с самого начала ведения дела было предписано наличие как минимум, эксперта. Когда-то Антонову льстило положение обособленной привилегированности, но амбиции молодости со временем угасли, а затаенная детская нелюбовь к химии и анатомии возросла. Поддержка оказалась очень кстати. К тому же, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, подполковник и эксперт почти подружились, объединенные спокойной рассудительностью (не без личностных различий, конечно), и спецификой работы.

В отличие от бывалого офицера, Тимура столь явная перчинка в предстоящем деле заинтриговала и подзадорила. Он еще не успел пресытиться острыми ощущениями, которые щедро дарила их профессиональная деятельность – эксперт проработал в Отделе всего несколько месяцев, и большую часть времени провел в закрытых лабораториях. В главное управление ОО он прошел жуткой тропой ледяной красоты, и не понаслышке знал об обратной стороне реальности. Но разум юноши был защищён бронёй надёжнее гранита, а сон крепок как у младенца – нервные потрясения ему были не страшны. Оттого он легко влился в неуставную, но тяжелую и ответственную работу Отдела, и заработал доверительное отношение ведущего следователя ОО. Правда, пришлось попрощаться с апломбом выдающегося специалиста, который в прошлом весьма заметно украшал воображаемой короной смышлённую голову золотого медалиста провинциального университета. Здесь Тимуру пришлось оттачивать навыки с нуля. Но его пригласили на эту работу не ради объема зазубренной и тщательно упакованной в памяти информации, а за цепкий, любознательный и быстрый ум, для которого такая задача была вполне по силам.

Подполковник дружелюбно усмехнулся, отметив мальчишеское любопытство, вспыхнувшее в глазах эксперта. Его собственное отношение к сфере интимных услуг было равнодушно-брезгливым, но это чувство являлось приобретенным, зародившимся восемь лет назад в янтарных глазах любящей супруги, унаследованных дочерью и сыном. А когда-то... «Некоторые вещи Алиса сама не захотела бы знать», – мысленно сказал себе Роман Андреевич. Затем похраптел, и добавил в список таких «вещей» подробности предстоящего расследования.

– Должен тебе сказать, что по поводу Гоморры не стоит питать иллюзий. В таких заведениях не просто совершаются преступления – они и есть преступление, и не только против государственных законов. Радости плоти, взращенные вседозволенностью, зачастую принимают весьма уродливые формы, и тебя может ждать множество неприятных открытий.

Эксперт уже привык к резким переходам Антонова от простых разговорных оборотов к витиевато-напыщенной литературной речи. Офицер был по-своему непрост, хотя иногда и пытался производить впечатление обычного утомленного работой и отчетами госслужащего.

– Роман Андреевич, я ведь все-таки врач, – напомнил Тимур, – брезгливость и придиричивость во мне умерли еще на первом курсе.

Это хорошо, – уже несколько отстраненно проговорил подполковник, откинувшись в кресле, – Нам это может пригодиться...

В голове у него медленно начал созревать план действий, позволяющий скорректировать топорный алгоритм, придуманный министром. Ежедневно застревая между реальностью и аномалиями, власть имущими и ничего не подозревающей общественностью, невольно учишься маневрировать как на бюрократическом поле, так и в остроконфликтных ситуациях. Но, в первую очередь, нужно было понимать, что Отделу предстоит обойти не зарвавшихся избалованных блудодеев, а куда более пронизательных и подкованных на ниве противостояния дознавателей их поставщиков услуг. Следователь все больше утверждался во мнении, что поспешная лобовая атака не даст нужного результата. Без штурмовой группы, конечно, не обойтись, но, как и на войне, кавалерию нужно знать, куда посылать. Ничего удивительного, что все идеи с живцами (как с сожалением поведал федеральный министр) потерпели крах: за долгие годы учреждение не только научилось принимать гостей по представительству проверенных лиц, но наверняка обзавелось какой-то системой распознавания личности на случай

любого подлога рекомендаций. А уж доступ ко всем существующим базам хранения информации (как и к средствам ее раздобыть, которые еще тоже не мешало бы проверить на предмет законности), у руководства лупанария был широк, как автомагистраль.

Тем не менее, бывали у следователя задачки и посложнее. Если абстрагироваться от чинов, званий и должностей тех, кого предстояло затронуть, то нервическая близорукость отступала, и уравнение обретало в глазах вразумительную четкость. А там уже недалеко и до решения.

Роман Андреевич слегка потянулся, и заявил:

– Ничего. Обломаем крылья Купидону.

Тимур издал короткий деликатный смешок. Ему уже представилось гордое шествие по логову разврата, с позвякиванием латами порядка и правосудия. Как и большинство юношей его возраста, он тянулся к волнующим впечатлениям праздника тела, насыщавшего альковы домов терпимости. Но молодой человек вырос в религиозной семье. И, хотя он, со свойственным юности бунтарством, капризно отворачивался от строгих догматов, пока окончательно не покинул родительский дом, что-то прочно осело в глубине его сознания. Теперь разум Тимура будоражило странное ощущение борьбы противоположностей, только добавляя остроты интригующему ожиданию.

Весенние сумерки едва ощутимо притуманили зрение засидевшихся на работе сотрудников. Отпустив помощника, Антонов, поднявшись, зажег электрический свет – уже чтобы собраться и покинуть, наконец, управление. Яркие лампы тут же свели на нет слабые попытки вечернего полумрака охватить просторный кабинет своими тенями.

Люди давно научились побеждать темноту, и, по их воле, марево заката сменялось цветной иллюминацией искусственных огней в шумных, неспящих городах. А Ночь не повиновалась им, и никуда не исчезала, лишь снисходительно взирая с далёких небес на дерзкие огоньки. Но вдруг она почувствовала иной, запредельный свет, давно утраченный живыми. И зябко укуталась с головою в звездное своё покрывало, словно прячась от взгляда мертвенных зелёных глаз.

Из бездны ушедших веков проливалась этот необоримый свет, над которым не властно было само Время. Все еще такой слабый, едва различимый в переплетениях бытия, он постепенно креп и набирался крупными забытого всеми могущества. С лютой ненавистью смотрели на человеческий мир зеленые глаза, но немощным рукам пока не хватало сил перевернуть страницу Истории. И леденящий взор в бессилии своего ужасного естества заглядывал в города, жилища и души, ждал и копил мстительную злобу.

Но вот пронзил он темнеющие ряды безмолвных деревьев, окружавших людское селение, и выхватил из мрака неведения живущих картину нечистого действия.

Много долгих часов сухая, изможденная голодом и жаждой фигура металась вздохом библиотеке, в окружении раскрытых книг и артефактов, на испещренном тайными знаками полу. Значение символов этих не было сокрыто для хладного взора. Ломкий силуэт был жалок в своих попытках прикоснуться к вечности, только страшная рана в измученной душе заставляла снова и снова черпать трясущимися ладонями из колодца Познания. И раздался безумный, надрывный вопль, полный бессильного отчаяния и тоски. Фигура в темных одеждах пала без памяти на землю, и сознание на время погасло в тщедушном теле.

– Сегодня будут вознаграждены надежды и устремления твои, – произнес Голос.

Несчастное создание не могло слышать его, и не могло видеть, как по белеющей во мраке словно вываренная кость странице побежали невидимой рукой наносимые строки – витиеватые письмена на мертвом и жутком языке.

– Но ты не ведаешь, к чему стремишься. И в конце пути, так желанного тобой, ждет тебя только новая боль.

Умолк и растаял Голос из неведомых пределов, и ненавидящий взор отвратился от бездвиженного пятна на сырой земле. А где-то в небесах, огненной слезой упала звезда со щеки продрогшей от страха Ночи. Тяжким бременем нахлынули на нее забытые – казалось, навсегда – воспоминания. О страшных временах, и о веках, проведенных в нерушимых оковах, когда темнота и красота её были в плену у чудовищной воли. Нет, не сгинула проклятая сила, и не смыта белесая печать смерти с человеческого рода. Ничто не искуплено и не прощено! И от Вечности не спастись...

Глава вторая ПРИНЦЕССА Я-ЛИ

Наивны тщеславные глупцы, охотно мнящие даже собственные страдания особенными жестокими дарами, неведомыми другим. Но Тина не входила в их число. Она знала. Знала с самого начала, что её история лишь одна из тысяч других историй таких же юных и неопытных девушек с большими надеждами и еще большими ошибками. Но разве молодость не создана для дерзаний? Упрямое миловидное личико в обрамлении каскада густых каштановых кудряшек отразило недетскую решимость. И остроглазая, смелая девчонка с головою бросилась в омут потрясающего, яркого, самого увлекательного приключения в мире, имя которому – любовь.

Валентину Мельникову, студентку третьего курса историко-английского факультета, любили и преподаватели, и студенты. Бойкая, смышленная девица легко заводила друзей, умела быть и внимательной слушательницей, и участливой советчицей, к тому же, обладала отличной памятью. Легко усваивая преподносимый самыми нудными лекторами материал, она избегала дурного расположения духа даже на студенческих эшафотах-сессиях. Но ее нельзя было назвать беззаботной «тусовщицей». Кипучая энергия сочеталась в Тине с твердой жизненной позицией и вполне устойчивыми моральными принципами. Нередко выходило так, что сердитая девушка в юбочке-колокольчик с родительской строгостью пресекала хулиганские выходки друзей, инициаторы которых были вдвое больше и агрессивней. Плещущие гормонами и разрушительными бунтарскими настроениями молодые люди почему-то тушевались, заслышав drobный стук каблучков её васильковых «лодочек».

Целеустремленная, общительная, веселая третьекурсница казалась неуязвимой для невзгод судьбы, о которых вещали многомудрые изречения на старицах её ровесниц в социальных сетях. Этот превосходный образчик здоровья – как телесного, так и душевного – бороздил беспокойные воды студенческой жизни победоносным фрегатом, рассекая туманы острым носиком-утлегарем. И лишь один ворчливый доцент, невысокий пожилой вдовец, смотрел на Мельникову с меланхоличным сочувствием. Ведь он знал, что в морях опасность таится порой не в хмурых штормовых тучах, а в темной глубине, где илистое дно так часто вздымается гибельными пиками подводных рифов. «Не потони только, девочка», вздыхал Валентин Семенович, со старческой брюзгливостью накликая неприятности на неосторожную юность. Но опасениям его было не суждено сбыться. Нет, не потонула юркая, добрая девочка в пенных волнах. Опустившись на самое дно, она восстала вновь, не дрогнув под давящей толщей вод, не став добычей плотоядных акул. Она обрела силу этой бездны. И изменилась.

– Долго спишь, – промурлыкала гибкая хищница, вернувшись в свои томные покои, – Давайте немного взбодрим нашего гостя, – бросила она двум рослым охранникам, вошедшим следом.

Повинуясь её красноречивым жестам, мужчины, не дав юноше опомниться, распластали обнаженное тело лицом вниз. Пленник вяло сопротивлялся, уже хорошо зная, насколько бессмысленны и беспомощны эти попытки. Только когда ему грубо и недвусмысленно раздвинули худые безволосые ноги, он затрепыхался, как пойманный мотылёк, вызвав довольную улыбку хозяйки покоев.

– Проснулся! Проснулся! – зашлась мучительница залиvistым смехам, хлопнув в ладоши.

На измученную долгими днями истязаний плоть обрушились новые побои. Темнота за стенами лупанария сгустилась и прильнула к окнам, жадно глотая человеческие страдания

подобно ненасытному омуту, а порочные лица на висящих в массивных рамах портретах скалились будто живые.

Руки, державшие юношу, разжались, когда непрерывный вой сменился надрывными всхлипами. Охранники в чёрной полувоенной униформе вторили плебейским гоготом своей начальнице, пока тело на ковре извивалось и корчилось в судорогах. Их набирали особым порядком, из кандидатов, чьи характеристики были безнадежно испорчены склонностью к садизму, чтобы все поручения руководства исполнялись не только старательно, но и с удовольствием. Вторым «бонусом» к подобному выбору являлась верность. Здесь осужденные обществом ненавистных моралистов личности получали единственный шанс обрести новый мир, которому становились преданы как псы.

Массивное здание лупанария громоздилось в форме правильного восьмиэтажного куба с трапециевидным пентхаусом на крыше, но углами ему служили приземистые толстые башни-цилиндры, где располагались комнаты охраны. Первые четыре этажа были полностью оборудованы отданы под апартаменты для клиентов, и разделены на секции руками хитроумных архитекторов так, что местами напоминали лабиринты. Здесь царил вечный праздник удовольствия, курившийся сладким дымом запретных страстей, и дорогие гости жадно срывали плоды долгожданных наслаждений. Мужчины и девушки, юноши и женщины, гермафродиты, инвалиды, беременные и уродливые, сколько и как пожелаешь: все было доступно в этой реинкарнации ветхозаветного города. Отобранная по лучшим рекомендациям вышколенная безмолвная прислуга (занимавшая «соты» комнатушек на пятом этаже) научилась двигаться почти бесшумно и с невероятной ловкостью исполняя желания клиентов. Потайные ходы позволяли техническому персоналу появляться и исчезать как призракам, но даже самым смелым не пришло бы в голову задуматься о воровстве или шантаже. Ведь именно слуги лучше всех знают изнанку жизни своих хозяев.

Шестой и седьмой этажи были тем «садом», в котором произрастали плодоносные древа страстей – здесь царила вечная суeta готовящихся к своим ритуалам жриц и жрецов любви с горящими наркотическим опьянением глазами и жаркими телами, предназначенными только для услаждения плоти. Узкие спальни, гардеробные и гримерные натыкались друг на друга, оставляя лишь небольшое пространство в центре – кабинеты младшей администрации, надзирателей и управляющих текущими делами. Старшее, *действительное*, руководство занимало весь восьмой этаж, который был их постоянным домом. Восемь хозяек борделя, восемь изворотливых, цепких хищниц обитали на порочном Олимпе, обличенные властью над своим маленьким царством.

Но в этом храме любви была и собственная преисподняя. Мало кто знал, как далеко и глубоко простиралось подземелье, где были оборудованы компактные арены для одиночных смертельных боев, процедурные (а, по сути, камеры пыток) и катакомбы, в которых держали рабов. Половина узников лупанария были добровольцами – несчастными больными людьми с искалеченной психикой, с мазохистской радостью упоенно служившими хозяйкам, ублажая клиентов борделя. Другие же стоили намного дороже, и предназначались тем, кто желал видеть *настоящее* страдание. И именно их так любили пользоваться на восьмом этаже, куда из подземелья вели скрытые лифтовые шахты в западном крыле здания, противоположном центральному входу.

В пытках и унижении часы казались пленнику годами. Арсенал хозяйки лупанария содержал немало приспособлений для полного подавления сознания, и самого глубокого познания плоти. Она брала его, как мужчина берет женщину, играла в омерзительные игры, знакомые лишь самым отъявленным извращенцам. Юноша знал – мучительница не выпустит его из своих когтей никогда, и не отдаст даже самой Смерти – покуда его тело не истлеет само в этих проклятых стенах. Но он не представлял всех глубин её опаленной жаром ярости души.

– Теперь свободны, – вдруг ласковым голосом пропела девушка своим сопровождающим, и те послушно исчезли из её покоев, затворив за собой тяжелую дверь.

Взглянув в испуганное, сведенное судорогами лицо, хозяйка внезапно ощутила, как колотится собственное сердце. Так странно было знать, что оно ещё бьётся в груди. Сегодня она так и не смогла целиком отдаться удовольствию. Разум глумливой и жестокой садистки вдруг отказался подчиняться её воле, и заставил окунуться в калейдоскоп всех прожитых лет.

Родители часто смеялись, вспоминая, что первым словом двухгодовалой крохи было «я». А вторым – «ли». Никто долго не мог понять, откуда оно взялось, пока не догадались, что так звали персонажа детского мультфильма, случайно увиденного ребенком в этом полубессознательном возрасте. Оттого дома Тину иногда называли «принцесса Я-Ли», когда хотели напомнить, что она навсегда останется для мамы и папы их маленькой дочкой. Разве могли они догадаться, каким будет заколдованный замок, который приютит в своих стенах их синеглазую принцессу?

Единственная дочь добропорядочной четы Мельниковых росла шумным и непоседливым ребенком. Разбитые коленки и расцарапанные ладони по деревьям лазаньем, перелом ключицы, шрам от укуса собаки – все это было неотъемлемой частью детства Тины. А потом – первая влюбленность, неумелый макияж и безрассудство переходного возраста – тех лет которые кажутся самыми важными и долгими в жизни, пока, наконец, не остаются лишь воспоминаниями, уступая неотвратимо цветущей молодости. Но вместе с ней пришли и настоящие, взрослые чувства, впиваясь когтями прямо в нетронутую душу.

Студенческие годы пахли весной и адреналином, бежали по коже мурашками-днями, полными впечатлений, и казались куда более настоящими, чем маячившая в далеком будущем рутина серых дней, упорядоченных семьей и работой. А может, не *казались*, а *были*. Очень часто юные девушки намного взрослее – смелее, сильнее и самоотверженнее, чем женщины средних лет, пропитанные тоской о недополученной заботе, и вздыхающие о хозяйственных, добрых и ответственных мужчинах, что будут покорены их увядающими прелестями.

Но юность еще полна отваги и наглости любить не за поступки и не ради надежного будущего, отвергая сомнения и спасаясь от холода практического мира у костра неудержимых страстей. Тина не ждала от своего избранника роскошных ухаживаний и дорогих подарков, не трепетала в предвкушении момента, когда с его губ слетят томные вздохи обожания. Она поступила так, как поступала всегда: очаровательная в своём дерзком напоре и самоотверженной целеустремленности, девушка принялась штурмовать сердце ветреного мальчишки. И кто бы не попытался в те дни предупредить её, куда приведет этот путь, слова его не были бы услышаны.

Полуночный мрак за стенами лупанария вздыхал обманчиво-теплым ветром, резвившимся между рядами душистых сосен. Кто знает, о чем шептал он жестокой хищнице, в которой не осталось ничего от упрямой и смыслёной студентки, что была такой обычной и такой особенной шесть долгих лет назад, когда её мир ещё был большим и светлым. Теперь же он сжался до размеров зловещей цитадели желаний, приюта всех мыслимых пороков, и темницы для её пленника. Но глумливые садистки Гоморры не были изгоями. Здесь они властвовали над человеческой природой, и, как алчные до крови и плоти паучихи, плели тенета, простирающиеся в незримом мире страстей до самого горизонта.

Хозяйка лупанария никогда не страдала. Лишь дарила страдания сама. Но и счастлива она не была никогда, это чувство умерло для неё навсегда. Как горькое лекарство, лишь на время оживляющее пустую душу вкусом извращенных радостей, принимала Я-Ли чужую боль. И медленно, по капле, смаковала жестокую радость удовлетворения, последнее напоминание о том, что она ещё жива.

С жарким выдохом, хищница отбросила помутившие разум воспоминания, делая алчные, глубокие глотки из чаши своей мести. Испуганно спрятавшись в самом удаленном уголке

её сознания, укрылась от собственной личины честная, добрая и влюбчивая девчонка, на лице которой даже в осколках памяти так и не высохли горькие слезы отчаяния давних лет.

– Ничтожество!

Короткие сильные пощечины обрушились на пленника, разбивая в кровь нездоровые посиневшие губы. Его давно заставили забыть все мольбы о пощаде, жестоко карая за попытки воззвать к милосердию, которому в этих стенах не было места. Оставалось только кричать, срывая голос, и захлебываясь сиплыми всхлипами с солёным привкусом крови и отчаяния. Но ей было мало абсолютной власти над чужим телом. Распаяясь с каждой волной злобы, хозяйка мечтала, как этот изнеженный мальчишка превратится в скулящее, презренное существо, лишённое разума и воли.

Звуконепроницаемые стены комнат надёжно хранили покой клиентов и хозяек, но иногда ей казалось, что будто само здание внемлет всему происходящему внутри. Словно оно умеет и хочет получать удовольствие как живые люди. Словно где-то бьётся толчками его порочное, жадное до мерзостей сердце, в ритме бесчисленных тысячелетий человеческих страстей...

Чувства и ощущения были перевёрнуты и искажены в этом затаённом мире удовольствий и нечистых радостей. Самые раздутые репутации здесь не значили ничего, и с высочайших постаментов социума, сластолюбцы не раздумывая ныряли в бездонные омуты похоти. Сладкими стонами, страстными криками пульсировали комнаты, где ублажали клиентов, и состоятельные гости лупанария растворялись в запретных страстях, уставшие от масок приличия и деловитости, задавленные тем самым обществом, столпами которого считались по праву. И образцовой частью которого была когда-то девчонка Тина, стойкая к соблазнам и твёрдая волей.

Нет, она не была ханжой, из тех, что прячут собственные подавленные желания за маской добродетели. Ни фантазией, ни смелостью не была обделена та девчонка, что умела сохранять в глубине себя до поры настоя из нерастраченных эмоций, не позволив ему забродить и отравить сознание похотью. Просто молодой студентке хотелось, чтобы кто-то сумел распахнуть двери в её сердце прежде, чем сорвать одежду. Простые и смешные надежды, но разве она не имела права выбирать хотя бы собственные мечты?

Больно видеть и чувствовать разочарование в жизни, когда судьба разрушает невинные грезы. Но, порою, во сто крат больнее может сделать она, лишь осуществив их...

Молодость бывает столь же жестока и бездушна, сколь радостна и беспечна. Кружились калейдоскопом краски счастливых дней, плескались чувства в синеве чистой воды её глаз, и горели губы огнём поцелуев, жарче самой распалённой в экстазе плоти. Беззаботно смеялась девчонка, отряхиваясь от веток и пыли после страстных объятий, опускавших её на теплый ковер июльской травы, и не поморщившись замазывала лечебными мазями царапины и ссадины на упругой коже – последствия их нежного единения на лоне природы. А дальше все было как описывают грустные истории на просторах всемирной сети. Тина стала одной из тех меланхоличных и одиноких девушек, что изображены на грустных фотографиях сидящими у залитого дождём окна. Она готова была выносить и воспитать ребёнка одна, освободив сердце от обиды и тоски. Но той же осенью узнала, что долгие недели слёз погубили плод.

Тина научилась переживать собственную боль раньше, чем чужую. Она видела, что её родители подавлены не меньше неё самой, чувствуя их внутренние терзания и горькие мысли, когда мать и отец старались ни единым лишним словом не задеть несчастную дочь. И приняла тяжёлое решение. Умения радоваться миру, чувствовать ярко неискуственно, искренне смеяться и надеяться вопреки всему умерли в ней тем сырым ноябрём вместе с нерождённым ребёнком. Но воля её была тверда как никогда.

Много слухов перемололи болтливые языки близких и дальних знакомых семьи Мельниковых. О том, как сильно испортилась их шальная дочка, когда стала продавать свою молодость богатым старикам, и куда, в конце концов, это её привело. Тина не захотела оставаться веч-

ной тенью печали под родительским кровом, отравляя своим унынием родительские сердца. И предпочла вступить в неравный, хоть и выгодный, брак.

На самом деле, «старик» был только один. Яну исполнилось всего сорок четыре года, но такая разница в возрасте с юной студенткой и нездоровый вид жениха, дважды пошатнувшегося на свадьбе, разумеется не могли остаться без осуждения. А ведь он был просто таким же несчастным человеком, как и она сама. Много лет назад потеряв в автокатастрофе свою семью, мужчина искал утешения в вине и наркотиках, но смог заглушить не боль, а лишь голос разума. И вот, в безумии замутненного сознания, судьба привела Яна к дверям храма порока.

Финансовые активы будущего супруга Тины в те годы были столь велики, что даже чудовищные расценки лупанария не поколебали его благополучия. Повредили только душе. Случайное знакомство с неулыбчивой, ссутулившейся и рассудительной не по возрасту девушкой чудом вернули вдовца на поверхность из глубокой бездны пороков. Она подарила мужу свои ласки, как дают наркоз, чтобы облегчить боль смертельно больному пациенту, её тело и внутренняя сила помогли ему дожить последние годы как человеку, а не как зверю. Организм и сознание Яна были повреждены слишком сильно. Через два года странной и тихой жизни, словно в келье кающегося грешника, Тина осталась вдовой.

– Хозяйка Я-Ли! – раздался скрипучий, прерывистый голос, в котором слышались жестокость и голодная угроза.

Пинком отбросив пленника, девушка выпрямилась, напрягшись как струна. Лицо её сделалось непроницаемым и не выдавало ни одной мысли, хотя вошедший без предупреждения чуял в воздухе резкий запах неприязни, шумно вдыхая приторные ароматы её покоев. За его спиной робко топтались еще недавно распущенные и наглые охранники, и даже самой хозяйке не хватило смелости проявить дерзость.

– Что тебе нужно, страж?

Фигура в бесформенных одеждах грязно-серого цвета качнулась вперед, снова пригнувшись к происходящему в комнате. Низко надвинутый капюшон скрывал большую часть лица с землистым цветом кожи и уродливым обрубком носа, но оставлял открытыми толстые жадные губы, покрытые рубцами от укусов собственных зубов. Они снова раскрылись, источая зловоние, и отвратительный голос наконец сообщил:

– Госпожа ждёт. Немедленно. Иди за мной.

Даже высокопоставленные клиенты, обеспечивающие защиту и благоденствие элитному борделю, с боязливой осторожностью относились к его могущественной управительнице. В её руках было сосредоточено невероятное количество компрометирующей информации, немалые деньги и прочные связи. Но всё это присуще многим сильным мира сего, и особенно из тех, кого слишком высокий взлёт приводил к преждевременной кончине. Что-то совсем иное вселяло даже в иерархов современного общества подростковые растерянность и неловкость, появлявшиеся перед лицом Госпожи лупанария.

Редко покидала она свой пентхаус, и никогда не прикасалась ни к слугам, ни рабам, ни к клиентам. Никто не представлял её предающейся плотским утехам, и не встречал ни единого свидетельства участия в любовных забавах. Владея целым маленьким собственным миром, Госпожа Ида оставалась его языческой богиней, пренебрегавшей простыми смертными.

Точно так же брезговала она и охраной борделя, хотя когда-то сама повелела набрать на службу именно таких бойцов. Иду окружали собственные защитники, которых в Гоморре называли «стражами». Молчаливые, жуткие, безымянные, они не участвовали в оргиях, не брали денег и не вступали в праздные разговоры. Завернутые в невообразимое тряпье силуэты изредка маячили по коридорам с немой угрозой, но большую часть времени проводили, сторожа верхние покои лупанария. Их не видели ни спящими, ни употребляющими пищу или вино, и даже самые матёрые и жестокие бойцы службы безопасности старались без нужды не пересекаться со сторожевыми псами Госпожи. Только Я-Ли и другие семь хозяек борделя не

испытывали явного страха перед этими обезличенными существами, никогда не снимавшими капюшонов, но и они избегали провоцировать страшных прислужников Иды.

– Я не заставлю Госпожу ждать, – с преувеличенной почтительностью ответила стражу хозяйка.

Неразговорчивый силуэт коротко кивнул, и тяжелой поступью вышел из комнаты. Проводив его напряженным взглядом, один из новых охранников, состоявший на службе не больше полугода, негромко пробурчал:

– От этих уродов всем не по себе. Никогда не привыкну к их безобразным ромам.

Обвинённый в изнасиловании двух мальчиков-цыганят, и последующем удушении одного из них (по свидетельству выжившего и сбежавшего второго), он принадлежал к той части бойцов, полностью извлечь которых из-под нависшего меча Фемиды так и не удалось. Подавшегося в бега подозреваемого посланцы Госпожи нашли раньше полиции, и укрыли в лупанарии на вечное проживание вместе с подобными ему. Рыбу бросили в реку, и не было предела радости преступника, выросшего в детском доме, и впервые почувствовавшего себя обретшим собственную тёмную семью. Только немногословные слуги Иды портили своим существованием его новый, отравленный сладким ядом, мирок.

– Правильно делаешь, что говоришь тихо, Влад, – едко бросила хозяйка, отправляясь следом за посланником, – стражи не любят смельчаков.

После смерти Яна его вдова стала богаче, чем когда-либо могла себе представить. Детей у этой мрачной пары не было и быть не могло – Тина навсегда утратила способность зачать и выносить плод. Самонадеянный и беспечный как большинство мужчин, он оставил все счета и имущество молодой супруге, которую мнил большей роднёй по духу себе, чем оставшиеся дальние родственники по крови. Реакция обманутых в своих ожиданиях мнимых наследников была вполне предсказуемой, и над вдовой нависла серьёзная угроза. Опасность положения Тины ещё больше усугублялась многочисленными деловыми партнерами Яна, враз позабывшими свои заверения в дружбе и преданности, когда речь зашла об огромном объеме активов в руках жены почившего предпринимателя.

Но и покойный супруг и охотники за его наследством сильно ошиблись в одном. Тина помогла обрести Яну покой и умиротворение в последние годы жизни. Только она вовсе не была близка серой кучке пепла, оставшейся еще при жизни от сгоревшей души супруга. И боль не сломала её. Как не сломали страшные сны, в которых нерождённое дитя тянуло руки к матери, отворачивающейся от своего ребенка, чтобы тот не мешал ей вдоволь рыдать над фотографиями его отца. В элегии своего горя Тина наконец поняла: её любовь, честность и доброта никогда не были нужны этому миру. И теперь окружающей действительности нет дела до девичьих рыданий и томлений. Людское сочувствие притворно, а снисходительная жалость – лишь разновидность презрения. Даже сломленный супруг в оболочке своей разрушающейся плоти стал казаться ей лицемером, сначала испугавшимся собственной боли, а потом – силы, что могла от неё избавиться.

В сырой и гибельной глубине руин её сердца, измученное сознание нашло источник спасительного огня. Одним солнечным утром, вновь проснувшись на подушке, сырой от слёз, Тина уронила из своих синих глаз искру тёмной ярости, разжегшую пламя страстей. Ян до самой смерти так и не узнал, что его прекрасная в своей ласковой грусти жена хранит под покрывалом нежной печали. Окончив свой жизненный путь, он оставил это неприятное открытие своим родственникам и партнёрам, с удивлением обнаружившим, что глупая девчонка проявляет железную хватку, упрямство и смелость, никак не ожидаемые от мнимой молоденькой охотницы за богатым мужем.

– Ты сегодня странно напряжен, страж, – с нарочитой безучастностью проговорила Я-Ли, не глядя на своего сопровождающего, когда они подошли к помпезному лифту в углублённой арке из резного дуба.

Она не ждала ответа, и даже почувствовала некоторое волнение, когда спутник проскрипел ломаным голосом:

– Она... чувствует... беспокойство.

Страж дернулся, словно и сам не понимал, зачем произнёс эти слова. Хозяйка задумчиво посмотрела на него, но не попыталась продолжить разговор. Эти странные существа явно имели какую-то ментальную связь с Идой, об этом Я-Ли знала давно. Они служили её как животные, послушные, преданные и очень сильные. *Слишком* сильные для обычных людей.

Честная и добрая девочка умерла много лет назад, вместе со своим ребёнком. Та, что теперь владела этим телом, была не менее смелой и сильной, но не знающей жалости и любви. В последние месяцы жизни мужа она многое узнала о том особенном месте, где он предавался разврату пока не истощил свою душу. И что-то неудержимо тянуло её к жарким альковым и извращенным радостям Гоморры подобно неумолчному зову. Туда, где можно властвовать над чужой плотью и человеческим разумом, и где холодная, предательская реальность подчиняется самым дерзким грёзам. Глупым, жестоким и мерзким показалась бы девочке Тине вся радуга удовольствий лупанария. Но для хозяйки Я-Ли глупой и смешной теперь была только та ничемная девчонка, еще жившая где-то в тайниках памяти.

Она выбрала себе это имя с позволения самой Госпожи, в первый день их встречи. Беззвездной февральской ночью, уходя от преследователей, девушка мчалась по еще неизвестной дороге. Что-то внутри неё уже точно знало нужное направление, будто машиной управляла сама судьба. Много дней её улещивали и угрожали, пытались соблазнить, договориться и напугать. Но наследница отказывалась подписывать составленные ушлыми юристами документы. Терпение серьезных людей истощилось, и однажды вдова попала в ловушку, в которой была перебита вся её личная охрана. Чудом избежав похищения и пыток, она не смогла оторваться от погони, пока в белесой метели не показались очертания монументального здания Гоморры. Бывший лучший друг её мужа со своими людьми и два кузена Яна были вынуждены остановиться, когда перед мчавшейся впереди машиной распахнулись тяжелые ворота, а навстречу преследователем вышли скалящиеся и вооруженные до зубов бойцы службы безопасности лупанария. Поняв, куда они угодили, мужчины предпочли развернуться и отправиться восвояси с пустыми руками. Они не собирались отказываться от своих намерений, планируя только дожидаться удобного момента, сколько бы дней, месяцев и лет ни пришлось бы ждать. Ибо во многих людях алчность пересиливает и страх, и разум.

Но о том было известно не им одним. И как только вереница автомобилей канула обратно в белую метель, стремительные уродливые тени бросились на них из леса, окружавшего Гоморру. Чудовищные титанические удары обрушились на машины как огромные молоты, корежа и сминая тонкий металл. И только когда кровь брызнула из раздавленных тел, и захлебнулись предсмертные крики, страшные силуэты растворились в снежной пурге так же внезапно, как и появились. А на следующий день заголовки новостей с утра пестрели сообщениями о массовой аварии на трассе, унесшей дюжину жизней. Простые обыватели забыли о том уже к обеду.

– Госпожа не в духе, – со значимостью сообщил прислужник-мулат, выходящий из покоев повелительницы лупанария.

Я-Ли настороженно кивнула, и мысленно подготовилась к встрече, выбросив все лишнее из головы. Перед ней возвышались широкие двери, украшенные переплетением мужских и женских тел, выполненном в позолоченной лепнине. Двое стражей, тяжело переваливающихся на мощных ногах, распахнули перед хозяйкой врата обители Госпожи, и она вошла, оставив снаружи посланника, тут же смешавшегося с подобными себе.

В Гоморре было не принято говорить о времени. Дни порой тянулись здесь годами, а иные годы пролетали быстрее ночи. Оттого, обладая здоровой математической памятью с детства, Я-Ли в этом зыбком мире не ощущала прожитых дней, и без принуждения не смогла бы сказать,

когда она обрела для себя новый дом – много лет назад или только вчера. Она лишь помнила, что однажды за золотыми дверями завершилось её перерождение, и вся прошлая жизнь осталась позади. Но ни высоким доходам и красивой жизни, ни сладости пороков, ни даже воле самой Госпожи было не возродить из тлена её окаменевшее сердце. И в этом камне неколебимо застыл пронзивший его когда-то клинок отчаяния, неустанно взывающий к возмездию.

Пленник Я-Ли понял это, когда было уже слишком поздно. Беспомощные попытки воззвать к её былой сущности пролегли по его телу глубокими рубцами, а любое проявление собственного «я» каралось немедленно и жестоко. Дни и ночи слились в единый поток позорных экзекуций и боли, в котором всё глубже тонули его разум и чувства, и оставались лишь унижение и страх. Хозяйка хорошо подготовилась к своей мести, и теперь преуспевала в стремлении обезличить, лишить памяти, воли, пола и разума свою жертву. Заставить его забыть, что такое быть мужчиной и человеком, стать меньше чем животным и превратиться в раблепное создание, зависимое от её малейшей прихоти.

Когда Я-Ли покинула свои апартаменты, охранники выволокли юношу из её покоев, чтобы вернуть в подвальные помещения, где держали прочих рабов Гоморры. Без разрешения хозяйки бойцы не причиняли ему вреда, и почти бережно доставили обессиленного молодого человека в подземелье, где, в отличие от нарочито вычурного стиля наземной части здания, царил холодный полумрак и преобладали бездушные металлические оттенки. Мутным взором он видел, как мимо проплывали картины непотребных, сокровенных желаний чьих-то безумных грёз, здесь воплощенных в яви. Женщины в строгих ошейниках, чьи лица были залиты мужским семенем, угодливо стелились по полу словно кошки. Они старательно виляли пышными хвостами, сдвоенные основания которых были до предела вогнаны в их распалённую плоть. Мужчины, лишённые всяких половых признаков, извивались как питоны, жадно подставляя беззубые рты потокам испражнений. Дети, едва вошедшие в сознательный возраст, ухмылялись мерзостно и похабно, уже познав много больше зачавших их родителей, старики и старухи, пытающиеся выжать последние соки страсти из своих ветхих, изношенных тел. Клиенты, рабы и жрицы со жрецами любви порой были перемешаны настолько, что и сами забывали свои роли в мире. На аренах со звучным хрустом ломались судьбы и кости, а в отравленном сладчайшими ароматами спермом воздухе подземелья не умолкали крики, стоны и дикий, разнузданный смех.

– Жаль, что пришлось оторвать тебя от любимой игрушки, – необычайно проникновенный и глубокий голос Иды колебался от невинной юности до чувственной зрелости, и обладал гипнотической силой.

Пентхаус, немногим уступавший по площади каждому из этажей лупанария, разделялся на несколько залов покоев Иды, и таинственный альков Госпожи, куда кроме стражей заходили лишь старшая хозяйка Кара и трое немых слуг. Он находился за дверью из цельного камня, и имел собственный лифт к отдельному выходу из Гоморры. Неизбежно поползли зловещие слухи о сокрытых тайнах, и о том, что изредка в альков приводят рабов, которые больше не возвращаются.

Единственное помещение, где всевластная владелица плоти и душ принимала гостей, слегка походило на тронный зал. В нём не было окон, и, несмотря на немалую площадь, стены давили зловещими фантазмагориями гнетущих фресок и барельефов. Как и в покоях хозяек, здесь царили вульгарные оттенки красного цвета, но обитель Госпожи представлялась взглядом намного мрачнее и помпезнее. Купольный потолок её покоев в античном стиле украшали скульптуры в виде человеческих метаморфоз, и невообразимые, фантастические фигуры будто вырывались из камня, тяжело нависая над залом.

Сейчас здесь не было слуг, и Госпожа сама неспешно наливала креплёное вино цвета венозной крови в высокий бокал. Возраст Иды было невозможно угадать. Точёное, как стилет, её тело обладало безупречной стройностью, подчёркнутой длинным облегающим платьем

из пурпурного бархата. Вьющиеся густые и тяжелые волосы придавали ей образ Горгоны, а кожа была безупречна, как мрамор в руках гениального мастера. Каждое, самое незначительное движение, дышало великолепной грацией и очарованием. И только глаза на её безупречном лице говорили о том, что эта языческая богиня пришла в мир не ради красивых легенд. Цепкие, жестокие, цвета гноящейся раны, они притягивали своей нечистой угрозой и болезненной желтизной, подавляли волю, и лишали физических и духовных сил.

– С вашего позволения у меня ещё будет довольно времени для забавы с ним, – почти-точно ответила Я-Ли своей Госпоже, – Ваша воля для меня прежде всего.

Ида одарила хозяйку полуулыбкой, и указала на одно из массивных кресел, веля располагаться для разговора. Сама она в обманчиво-расслабленной позе устроилась на огромном диване, обитом мягкой кожей. Многим в нездоровых фантазиях, и благодаря гнетущей атмосфере пентхауса, казалось, что она слишком напоминает человеческую, хоть и выкрашена в чёрный цвет.

– Обитатели нашего маленького мира не могли не заметить, что я разгневана. И они правы. Но гнев этот направлен не на моих любимых хозяек.

При этих словах двери снова распахнулись, и в покои вошли семь владычиц Гоморры, ведомые синеволосой нимфой с высокой и сочной грудью, видневшейся в манящем декольте терракотового латексного комбинезона. Долго и верно служили они своей повелительнице, и каждая, посвящая себя пылающему водовороту страстей лупанария, принимала новое имя, как и большинство обитателей Гоморры. Но, в отличие от рабов, жрецов и жриц, и гладиаторов арен развращенной обители, для хозяек эти имена были не красивой маской, а второй неотделимой сущностью. А для Я-Ли – единственной, ибо она отказалась от всякой жизни вне стен лупанария подобно самой Госпоже.

Повинуясь жесту горгоны, все они опустили в кресла, расположенные полукругом перед её диваном. Каждая из хозяек была непохожа на остальных, выделяясь собственным стилем от садистской строгости до притворной сладкой нежности и лживой невинности. И у каждой была собственная судьба, свившая жизненный путь от обывательского тепла до порога храма наслаждений.

На несколько минут воцарилась тишина. Хорошо изолированные стены не пропускали звуков происходящего в лупанарии, а Госпожа медленно допивала вино, предаваясь сокрытым мыслям. Прочие молчали в терпеливом ожидании. Наконец, Ида, отставив бокал на каменный столик, обратилась к своим хозяйкам:

– Сегодня до меня дошли дурные вести из внешнего мира. Наши давние недоброжелатели нашли себе новых союзников. Долгое время одно особое ведомство сохраняло нейтралитет, но мой источник убеждён, что на этот раз руководство спецслужбы отступило от своих принципов.

– Но Госпожа, разве у нас в гостях не собирается весь цвет нации? – иронично и самонадеянно пропела огненно-рыжая ведьма с шальными глазами, – Жертвы собственных желаний будут служить нам и защищать нас на самых высоких уровнях. Стоит ли Вам волноваться?

Эта дерзкая женщина была самой вздорной и жестокой из хозяек, и лично снисходила до наиболее высокопоставленных клиентов, чтобы жадно впитывать их страсти, всей своей пылающей душой ощущая, какую силу имеет пламя пороков.

– Тильда, – улыбнулась Ида идеальными чувственными губами так, что у любого неподготовленного собеседника перехватило бы дыхание, – Я не сержусь на глупую болтливость. Обещаю, что моя любовь будет с тобой даже если тебе придется урезать язык.

Ведьма вжалась в кресло, и потупила взгляд, пряча дерзкие огоньки жгучих зрачков. В этом мире власть Госпожи не имела границ, и никто не знал, и не хотел бы узнать, всей силы её гнева, рождающегося в ласковых речах.

– Я надеюсь, – мелодично произнесла горгона, бросая пронзительные опасные взгляды на своих хозяек, – что вы все будете чутки и гостеприимны к нашим новым гостям. Они должны познать силу пламени, прежде, чем увидят языки огня. И внемлить зову глубины тёмных вод не успев распознать их невозвратную бездну. Ибо здесь, в Гоморре, правда – есть величайшая ложь.

Единым жестом женщины склонили головы в знак послушания Госпоже Гоморры и её безмерной мудрости. Их истинное оружие – не громкие звания и статусы сладострастных клиентов. А суть познания человеческих слабостей и тайных желаний. И горгона не собиралась полностью зависеть от возможностей последователей её культа, а желала явить свою власть всякому, кто отважится вторгнуться в её владения.

Сладким потоком лились вкрадчивые речи Госпожи, насмешливо и похабно скалились многоликие метаморфы под высоким куполом и тяжелыми каплями разлетались брызги её вина в неподвижном бокале. Тёмный мир Гоморры, пронизанный зловещими тайнами, гибельным омутом готовился поглощать всё новые души, взламывая защиту их наигранной добродетели как устричную раковину, чтобы обнажить хлипкую сущность человеческого естества.

Но в желтизне глаз горгоны Я-Ли впервые привиделась тень сомнения. Она вдруг поняла, что нечто тревожит всесильную Госпожу, быть может такое, чего она ещё и не ведаёт сама. И самая юная из хозяек готова была бороться против любого врага, осмелившегося угрожать её миру. На краткое время хищницей была забыта даже собственная игрушка, брошенная в подземелье в ожидании предстоящих мук. Я-Ли могла позволить себе отвлечься и растянуть свою жестокую месть. Ведь у её пленника не было ни единого шанса на спасение.

«Я ещё жив. Я ещё человек. Я мужчина», – шептал себе несчастный юноша, обхватив себя за плечи и извиваясь на полу своей камеры. Хозяйка так часто и глубоко проникала в него, что только её виртуозное владение орудием и опыт обращения с плотью уберегли жертву от смертельных разрывов. Ведь не мучительной смерти желала она ему, но мучительной жизни. И была очень старательна в своих стремлениях. Молодой человек уже начинал забывать, когда-то он считал своим призванием овладевать женщинами, а не принадлежать им. Он с трудом сводил ноги, много плакал и отвыкал от звуков собственного голоса, поскольку хозяйка запрещала ему говорить. Но жестокость и мстительная злоба Я-Ли не могли отобрать его снов. Она так и не призвала своего пленника вновь этой ночью, и юноша смог снова провалиться в спасительное забвение.

На выгоревшей под солнцем траве необъятной степи Срединных земель юная дочь свободных кочевых племён кружилась в диком танце вместе с теплыми южными ветрами. Была она необузданна и отважна, легка и красива жаркой варварской красотой, и ни единожды ещё не познала мужчину. Немало достойных соплеменников жаждали её, готовили щедрые дары и сражались друг с другом. Но пока лишь степь была её ложем, а супругом – далекий горизонт. На севере, востоке и юге видела молодая дикарка, как небо сливается с землёй в незримую грань, и пленялась непознанными далями. И лишь на западе её острому взору было доступно видение исполинских гор – природной нерушимой границы, за которой пролегли земли великой империи. Богатая, сытая, сильная, она существовала за долгие века до первых поселений кочевников, и пением горнов звучала на страницах летописей старейшин.

Мудрые старцы многое ведали из сокровитного тайной, и перед их советом преклонялись сильнейшие воины и вожди. И потому без ропота приняло племя их запрет на союз дерзкой Ианны с любым из мужей прежде прошествия ещё одного долгого года. Хоть и горько рассказали они вскоре в своём решении.

Однажды, когда дикарка в излюбленном одиночестве гуляла босиком по горячей земле, едва прикрыв смуглое знойное тело цветными одеждами, узрела она невиданно чудо в родных землях. По выжженной степи струилась золотая река, ослепительная в полуденном свете. Но вот сияющий поток приблизился к поселению, и стало видно, что сотни всадников в блиста-

ющей броне мчатся по Срединным землям, ведомые тщедушным, но горделивым мальчишкой в роскошных одеждах.

То возвращался из победоносного похода молодой наследник империи, не поднявший меча, но одолевший врагов именем своим и клинками верных гвардейцев. Кратчайший путь к вратам крепостей Пограничных гор пролегал мимо селений кочевников, давно не осмеливавшихся иметь недобрые помыслы против величественного соседа. Гордо и снисходительно оглядел принц убогие жилища дикарей, и пришипил белого жеребца, уводя к родным землям большую часть своих воинов. Лишь две дюжины всадников задержались, спешившись с лошадой – они должны были дать передышку от тягот пути четырём своим тяжело раненым в бою братьям. И тогда показалось Ианне, что её свободолюбивое и вздорное сердце остановилось.

Остановившимися в поселении всадниками командовал высокий воитель с чистым и ясным взором, от которого было невозможно оторваться влюблённой девушке, впервые познавшей неизведанное доселе чувство. Был он совсем не похож на мужчин её племени, грубых, широкоплечих и коренастых, отрицающих бороды и соревновавшихся в кулачных боях. Предводитель золотых всадников был красив и благороден лицом, а стройное тело его казалось выкованным из бронзы. И мнилось Ианне, что оружие любого врага преломится, пытаясь поразить его, а женищине не знать в жизни большего счастья, чем его объятия.

Сильные и нежные руки юной дикарки смогли лишить защиты и доспехов лучшего воина империи и всего древнего мира, чего до того не удавалось самым чудовищным его противникам в бесконечных войнах. Презрев речи старейшин, законы племён и благоразумие, Ианна бросилась в пламя любви, и теперь ни соплеменники, ни друзья, ни семья больше не имели значения для юной бунтарки. Лишь ради него одного жила она отныне, и только ему посвящала каждый прожитый день в подлунном мире.

В подземных камерах Гоморры наступление утра знаменовали лишь ещё заspanные лица охранников новой смены. Долговязые и длиннорукие братья-близнецы вырвали из спасительного сна пленника Я-Ли, бросив ему костюмированную одежду.

– Тебя велено обучить работе. Советую быть очень послушным, – зевая, обронил насмешливый совет один из них.

В лупанарии начинался новый день, полный удовольствий, страстей и непознанных горизонтов желаний. Но для пленника Я-Ли каждая его минута несла гибель обречённой душе.

Глава третья КЛАДБИЩЕ

Евгения Мунн, добилась серьезных успехов на ниве криминальной психологии, и не первый год работала на должности дознавателя Особого Отдела. Но до сих пор не имела четкого понимания своих обязанностей. Руководство неизменно хвалившее её за профессиональные навыки, всегда оставляло старшего лейтенанта в роли помощника вышестоящих офицеров, а говоря прямо – на подхвате. Не помогало даже знакомство с министром. Шустрая, цепкая девушка двадцати шести лет с миловидным острым лицом была сообразительна, ответственна и обладала железной психической выносливостью. Но быть дисциплинированной ей мешали гипербобщительность, агрессивное чувство юмора и непоседливый нрав.

– Мы как будто отправляемся отнимать у детей сладости, – болтала голосом с легкой хрипотцой «старлейка» ОО, – У очень трудных детей с проблемами ниже пояса. И выше шеи, – хихикнув, добавила Мунн.

Менее подходящий экземпляр для включения в состав следственной группы по данному делу сложно было представить. Неброско и будто наспех одетая, юркая и резкая девушка относилась к той странной категории людей, которые ничем не выделяются, но их невозможно не заметить. За два часа, проведенных в дороге, она не промолчала и пяти минут, продолжая вести себя на заднем сиденье массивного служебного внедорожника как канарейка в клетке. Маленький рост и субтильная фигура дознавателя с лихвой компенсировались кипучей энергией, создавая у Романа Андреевича ощущение, что работать предстоит не с одной, а с тремя девушками сразу. Его уже немного укачивало от суматошной спутницы в отличии от Тимура, который, поглядывая с переднего пассажирского сиденья назад с приязненной улыбкой.

– Давайте всё-таки не будем забывать, – своим всегдашним вежливо-рассудительным тоном проговорил подполковник, – что в этот раз наша миссия имеет слишком авантюрный характер. Стоит быть сдержаннее в словах и поступках, тем более, если произойдет диалог с кем-то из клиентов. Даже думать не хочу, какого уровня людей мы можем встретить, сунувшись в сферу подобных услуг.

– Этой встречи следует опасаться им, а не нам, – упрямо и сварливо отрезала Мунн, – Устроили тут Древний Рим, любители клубнички. Как доверить управление государственными делами людям, которые своими...кхм...желаниями управлять не могут? Думаю, у нас есть все права устроить серьёзный шорох в их притоне.

– Прав у нас сейчас меньше, чем обязанностей, – попытался остудить её пыл Антонов, – Нужно во всём разобраться, оценить обстановку. И только потом делать выводы и навешивать ярлыки.

Он с самоиронией заметил, что Евгения смотрит на него, как на занудного и медлительно-обстоятельного дедушку, хотя подполковнику ещё не было и сорока. Мужчина в брендовой синей куртке и умеренно-деловой рубашке в тон верхней одежде для неё представлял собой известный типаж отличного, но скучного профессионала. Упитанный, рассудительный подполковник с короткой стрижкой и умными глазами, по мнению старшего лейтенанта, уместнее смотрелся бы в кабинете начальника, чем в «полевой» работе ОО, где сама дознаватель предпочитала стремительный натиск с долей безрассудности. Быстрая на решения Мунн не хотела вдумываться в малопонятные, бессвязные предупреждения, которыми министр напутствовал следственную группу. Она услышала только, что Дмитрий Геннадьевич, уже разочаровавшись во многих своих коллегам, очень надеется, что Отдел не переметнется на сторону защитников Гоморры. А, между тем, министр, разумеется, недоговаривал что-то важное.

– И всё равно, бордель останется борделем, сколько его не оценивай, – ершисто сопротивлялась старший лейтенант, – Все эти капающие слюной в предвкушении разврата мужчины, поношенные женщины, ненужные своим мужьям, и старики обоих полов, изголодавшиеся по молодой плоти. Вот и все. Вот и все. В ауре сладкой-пресладкой любовной лихорадки.

Для психолога-криминалиста Мунн была, пожалуй, слишком критична и резка на язык. Однако, Антонов видел её отчеты и рапорты, и не мог не отметить острый ум и находчивость дознавателя. Просто такое орудие лучше было использовать по прямому назначению, а не посылать «министерским оком» в сомнительную экспедицию, в которой и сам подполковник не чувствовал достаточной уверенности для решительных действий. Пренебрежительно-саркастичное отношение девушки к миру порочных человеческих страстей пристыдило немало пылких натур, но могло изрядно помешать деликатной операции.

– Над кем же ты будешь шутить, если все станут правильными и скучными? – Вмешался Тимур, подзуживая спутницу, – Бунтарь харизматичен до тех пор, пока есть против кого бунтовать, – изрёк он чьё-то немудреное философское измышление.

– Я что-нибудь придумаю, – весело тряхнула головой Мунн, – Хочешь, обсудим твой галстук? Это куда веселее, чем чей-то замысленный..., оказавшийся не в то время и не в том месте.

Подполковник и судмедэксперт одновременно вздохнули.

Весна разлеталась грязными брызгами из-под колёс внедорожника, уверенно приближавшегося к конечной цели поездки. Дорога, уводящая в сторону от федеральной трассы, разветвилась, и навигатор направил автомобиль по узкому пути, ведущему сквозь коричнево-рыжий частокос соснового леса. Здесь ещё кое-где не растаял последний снег, и жалкие сугробы медленно растекались слезами умирающей зимы по холодной земле. В комфортном салоне было тепло и уютно, но на мгновение промозглый стылый воздух этих мест почувствовали все члены следственной группы. Мимолётное ощущение тут же пропало, но подполковник нахмурился, Мунн раздраженно и зябко дернула плечами, а Тимур машинально запахнул расстёгнутое пальто. Галстук под ним и правда слишком бросался в глаза своей молочной белизной на фоне черной рубашки стрейч, но поколебать собственные представления молодого человека о вкусе и стиле едким шуткам дознавателя было не под силу.

– Зачем нам вообще тащиться на кладбище? Раз уж... такая история? – заговорил о деле юноша, когда они проехали мимо широкого крутого поворота, и поветрие улетучилось, – Мы могли бы только просмотреть отчёты. Вряд ли местное отделение полиции станет расстраиваться, что столичные гости не роют носом землю на их территории.

– Затем, чтобы смягчить наглость, с которой мы нарушаем нейтралитет, – ворчливо пояснил Антонов, – Когда всё закончится, среди серьёзных людей многие быстро догадаются, что Отдел сыграл в чужую игру. Это может сильно усложнить наше положение в будущем.

Дорога, давно ожидавшая ремонта разбитого покрытия, сильно качнула автомобиль на спуске: подполковник в непривычном ворчливом состоянии ослабил внимание и всеми колёсами на скорости проскочил глубокую продольную яму. Мунн неплохо тряхнуло в салоне, но девушка только рассмеялась, и, конечно, не собиралась молчать.

– Пусть попробуют усложнить нам хоть что-то, – уверенно и с вызовом заявила дознаватель, – Будут изгонять своих «бесов» по старинке – бубном и пением.

Хоть и борясь с отведённой ролью умудрённого опытом старца, Роман Андреевич все же не удержался и просветил неумную девицу лекционным тоном:

– Опасность, что социальное положение власть имущих может пошатнуться вслед за репутацией, может заставить некоторых из них обозлиться настолько, что страх отступит, и Отдел наживёт ненужных врагов. Во всём хороша мера.

Поворот на Гоморру остался далеко позади. Дорога вильнула к небольшому, но красивому озеру с пустынным пляжем. Оттаявшую гладь его вод настойчиво беспокоили шум-

ные ветра, пуская по поверхности водоёма волнистую рябь, ловящую редкие лучи утреннего солнца. На другом берегу заканчивался лес и виднелись несколько трёхэтажных домов, возвышавшихся над неровной полосой иных приземистых построек. Обогнув водоём, группа прибыла в означенный целью пути населённый пункт. Сотрудникам пришло время приступить к работе.

Подполковник давно привык к неприятным сюрпризам, коими были насыщены его рабочие будни с первых дней службы в Отделе. Когда-то молодой офицер ФСБ тяжело воспринимал неизменное крушение чётко продуманных планов ведения дел, и ощущение невесомости в странном, постоянно меняющемся мире другой реальности, где даже самая уверенная цепочка расследования могла в любой момент рассыпаться в прах, оставляя после себя хаос и тревожную пустоту. Но с годами Роман Андреевич научился «ловить волну» резких перемен, не допускать излишней растерянности, и рассудительно взвешивать любые непредвиденные обстоятельства. Теперь его, скорее, удивляло, когда всё шло слишком гладко.

Но об остальных членах группы такого сказать было нельзя.

– Почему так долго молчали? – кипятилась остроглазая дознаватель, не стесняясь выговаривать резкие упрёки целому полковнику и начальнику отделения полиции, – Протокол предписывает вам незамедлительно уведомлять обо всех обстоятельствах, касающихся дел, представленных нам!

– Это подростки из неблагополучных семей, – еле сдерживаясь, процедил безмятежному подполковнику долговязый начальник местных правоохранителей, не глядя на сердитую девицу несолидного звания в сером анораке и простых джинсах, – Кто всерьёз воспринимает заявления о том, что исчезла шайка малолетней шпаны?

Антонов молча пожал плечами и отвернулся, оставив полковника в недоумении. Офицеру ОО не полагалось поддаваться чрезмерной меланхолии, и Роман Андреевич не понимал, почему в голову лезут странные мысли. Отсюда, с неровного холма, на котором раскинулся старый погост с покосившейся оградой, всё ещё было видно голубую чашу озера, теперь брошенную ветрами и застывшую старинным зеркалом в потрепанной раме плешивых берегов. Подполковнику вдруг померещились в холодной глади водоёма отражения окружавших его надгробий и крестов, хоть расстояние и не позволяло на самом деле увидеть подобное. Но души не коснулись липкие пальцы иной реальности, порождавшей причудливые видения. Нет, никакие аномальные силы не были повинны в этом мираже. Словно сама Вселенная что-то пыталась показать духовно ослепшим людям. Предупредить, предостеречь, или...

– Так сколько человек пропало? – прервал Антонов затянувшееся разбирательство Мунн с полковником Волошиным.

– Я же говорю, – раздражённо произнёс полицейский, – Четверо позавчера, еще трое, по предварительной оценке, вчера. Да с чего вы взяли, что это как-то связано с вандализмом? Подались за приключениями куда-нибудь, или перепились да потеряли телефоны. Редкость что ли?

– Может быть, может быть, – проговорил подполковник, который не верил в совпадения, – Ладно, давайте осмотримся здесь. А вы пока расскажите нам о пропавших. Только краткие характеристики пожалуйста.

Ступая по размоченной недавним дождём рыхлой почве вслед за Антоновым, Тимур терзался загадкой: зачем он вырядился щеголем в эту кладбищенскую прогулку. Можно же было взять сменные вещи, а не убивать любимые брюки и туфли из мягкой кожи на сельском погосте. К счастью, долго ходить не пришлось: восемь глубоких неровных ям располагались хаотично, но близко друг к другу. Могилы были разрыты очень неаккуратно, земля не сложена в кучи, а просто разбросана вокруг, словно вандалы веселились, кидая комья с лопат в разные стороны.

– Да там одна характеристика на всех, – отрезал Волошин, – Совершенно асоциальны и аморальны. Брошенные учебные заведения, приводы в полицию, случайные подработки и хулиганские выходки – вот и всё, что представляли собой их жизни. Хотите конкретнее?

– Пока не нужно, – спокойно ответил подполковник, осматривая последнюю могилу, – Тимур Альбертович, пожалуйста, произведите сканирование.

Компактный прибор размером не больше смартфона в рабочем чемоданчике эксперта носил идиотское название «Ромео14». Уже никто и не помнил, почему. Наверное, создатель был склонен к сентиментальности. Суть его функционирования заключалась в том, что если правильно настроить баланс волн, то можно получить данные об отклонении в атмосфере, свидетельствующем о нарушении существующих физических законов. Проще говоря – поймать след аномалии, если таковая имела место. Хотя к медицине подобная аппаратура особого отношения не имела, Тимур благодаря врожденным усердию и педантичности, быстро разобрался в работе хитрого прибора.

– Даже знать не хочу, что это, – пробурчал полковник.

Волошин чувствовал себя полнейшим дураком, торча в одиночку на кладбище с тремя чудиками, пока на работе его ждали серьёзные дела, а подчинённые бездельничали, гадая, что за московская делегация украла их начальника. Правильно истолковав настроение полицейского, Антонов едва заметно кивнул дознавателю, чтобы та вернула мысли полковника в профессиональное русло. Мунн, тяжело переносившая долгое молчание, радостно встряхнулась, и вцепилась в жертву:

– Что объединяло пропавших? Это была группа друзей или случайные приятели? Опрошены ли все, кто мог бы знать их местонахождение?

– Мои сотрудники сейчас работают над этим, – скупно ответил полковник, мысленно сильно сомневаясь в этом утверждении, – Дело в том, что все семеро преимущественно общались только друг с другом, не считая мелких стычек и конфликтов с населением.

– А их родственники?

– Давно плюнули на великовозрастных детей. Росли как сорняки.

Мунн прищурила глаза, потратив несколько секунд на раздумья.

– Тогда давайте вернёмся к началу, – уже мягче и медленнее произнесла она, – Что вы можете сказать об упомянутых хулиганских выходках за последнее время? Возможно ли, что исчезновение приурочено к одному из таких эпизодов.

– Прошу прощения, старший лейтенант, но мы не настолько тут бездарны, чтобы не попытаться проследить такую возможность. В общем-то, – сердитый полицейский начальник тоже немного сбавил тон, – последнее время их видели реже, да и жалобы перестали поступать.

Тихое кладбище находилось достаточно далеко и от населённого пункта, и от трассы, что позволяло родственникам и близким умерших предаваться скорби в мирном покое и безмолвии, отстранившись от суетной жизни. Обратной стороной уединённого расположения погоста была незащищённость от подобных надругательств над захоронениями вдалеке от случайных свидетелей. Иначе преступникам не удалось бы незаметно выкопать и вывезти столько бренных тел.

Пока Тимур занимался работой сомнительной важности, Антонов продолжал в задумчивости петлять между чернеющими провалами могил, обходя брошенные на поверхности распахнутые гробы. С точки зрения логики, у него не было причин сомневаться в абсолютной естественности деяния, но вьёвшаяся в кровь привычка «видеть призраков» заставляла быть дотошнее и придирчивее к обстановке. Наконец, он вернулся к эксперту и вопросительно посмотрел на юношу.

– Я закончил, Роман Андреевич, – доложил Тимур, – Есть некоторые отклонения от нормы, но такое в местах захоронения не редкость. Данные уже отправлены аналитикам.

Подполковник удовлетворённо кивнул. Теперь ознакомительное посещение места происшествия можно было заканчивать.

Со следами шин на расчищенном под парковку участке земли перед входом (ограда была цельной и слишком высокой, чтобы перекидывать трупы через неё) оказалось всё не так просто. Погода прошедших дней и посетители, обнаружившие кощунственное действо, а также любопытствующие, успевшие до приезда полиции, сильно усложнили очевидную задачу. Полагаться на точность определения местными правоохранителями рисунков протекторов, принадлежащего именно машинам преступников было нельзя. И в целом, визит следственной группы Отдела, проходил как было задумано, без видимых зацепок для раскрытия по горящим следам. Оставалось только найти повод для направления расследования в нужное русло.

– Так, выходит, ваши подростки могли стать на путь исправления? – продолжала допрос младший лейтенант.

– Это вряд ли, – буркнул Волошин, – И не называйте их моими. Такие не меняются. Предполагается, что нашли подозрительный источник доходов и разгулялись в другом месте.

– Убрали ноги со стола, когда принесли обед, – утвердительно и понимающе добавил Антонов, вмешавшись в беседу.

– Я вас не понимаю, – мрачно сообщил полковник

– Перестали сорить там, где кормят, – охотно объяснил Роман Андреевич, – Позвольте предположить, что у некоторых из них были автомобили, либо доступ к ним. И вам удастся установить сходство рисунков протекторов с оставленными перед входом на кладбище.

Волошин не спешил с ответом. Разумеется, неблагоприятные элементы в первую очередь попадали под подозрения при совершении столь явных правонарушений. Но уж в чём в чём, а в трудных подростках начальник полиции за долгую службу научился разбираться – ими во всей области совершалась немалая часть всех преступлений. И именно эта компания совсем не походила на сборище маниакальных шизофреников с пристрастиями к подобной мерзости. Куда скорее они надругались бы над живыми, чем над мёртвыми. Сообщив свои измышления незваному столичному гостю, полковник выразил соображение, что следователь не услышал его слова о тяге пропавших к легкой наживе и последующим кутежам. Антонов вежливо улыбнулся.

– Если есть те, кто предпочтёт бессмысленному вандализму охоту за деньгами и удовольствиями, то вероятно нам нужен тот, для кого вандализм имеет все-таки смысл. Достаточно сильный, чтобы пожертвовать тем, что нужно другим.

– Подкупить несовершеннолетних бездельников, чтобы они выполнили грязную работу? – опешил от такого предположения полковник, – Но вандалы получают удовольствия от самого действия. Зачем еще вытворять такое?!

– Тела могут быть использованы в оккультных обрядах или для получения алхимических компонентов. Многие маги с древних времён прибегали к извлечению трупной эссенции, но оказывались слишком слабы и одиноки, чтобы самим орудовать лопатой.

– Маги?!

Было удивительно видеть, как много чувств одновременно может отразить мимика человеческого лица, особенно такого сухого и слабоэмоционального. Волошин разрывался между негодованием, злостью, удивлением (как вообще можно услышать подобное от людей, служащих в силовых структурах), нездоровым любопытством и желанием оказаться подальше от чужого больного воображения. Роман Андреевич с интересом смотрел, как застрявший в рамках служебного положения офицер пытается воспринять дикую информацию.

– Но вы же понимаете, кто мы, – вежливо напомнила Мунн, стараясь быть деликатнее обычного, – Особый Отдел занимается только аномалиями.

– Между аномалиями и сказками теперь нет никакого различия? – прорычал Волошин, подозревая, что над ним издеваются.

– А их никогда и не было. Только практика показывает, что остается в разделе чистого вымысла, а что имеет под собой твердую основу для изучения, – сказал Антонов.

Полковника передёрнуло. Не произнося ни слова, он полез в карман за телефоном, демонстративно отвернувшись от группы, и сделав два шага в сторону. Роман Андреевич и не думал ему мешать.

Бормоча ругательства и оплакивая туфли подошёл Тимур. Эксперт хотел высказаться за скорейшую передислокацию, но его опередила дознаватель:

– Не слишком ли грубый ход, Роман Андреевич? – вполголоса поинтересовалась Мунн, – Допустим, они так и не разберутся со следами от машин, и предположат вашу правоту – но версия всё равно прямо-таки натянутая. У меня есть парочка очень правдоподобных идей, – зашептала она заговорщицки, в этот момент став похожей на проказливого ребёнка.

– С чего же ты взяла, что нам нужно что-то придумывать? – равнодушно прервал её подполковник, – Пропавшие крупными группами в таком небольшом населённом пункте сначала мёртвые, а потом живые... Должна быть связь. И я её нашёл.

– Очень извиняюсь, но... – удивилась Мунн, собираясь привести полдюжины примеров, когда события могли бы развиваться параллельно, но ей не дали закончить.

– Чёрт с вами, – громко сказал Волошин, всем видом выражая неудовольствие, – Протекторы и правда совпали. Но больше о магии я ничего и слышать не хочу, – воинственно добавил он, возвращаясь к группе Отдела.

– Так давайте вернёмся к твёрдой почве расследования, – добродушно предложил Антонов, – Как по-вашему, насколько далеко могли бы отправиться юные преступники в состоянии эйфории от легких денег?

– В Москву, куда же ещё. Будто у нас тут развлечений много. Есть, правда, одно место поблизости, – вдруг призадумался полицейский, – Только я о нём мало что знаю. Вроде как модный дом терпимости для богатых. Рай всяким..., – выругался он.

Мунн одобрительно сверкнула глазами на подполковника, хотя Роман Андреевич не ответил на её поощрительный взгляд. Он предпочитал хвалить себя сам, и не любил никому уступать приятную обязанность.

– Мы сами получим все необходимые данные, – заверил Антонов полковника, – А от вас потребуется проявить бдительность в посёлке и окрестностях. Проверьте, при наличии, иных сомнительных личностей, убедитесь, что за последнее время не совершалось менее заметных, но близких по смыслу деяний. Приложите все усилия, а потом удвойте. Напоминаю, что дело находится на особом контроле.

– Пренебреженно, – всё так же неласково отозвался полицейский, – Пока вы посвятите всё своё время ближайшему борделю, мы перевернём небо и землю.

Полковник в равной степени не любил столичных гостей, мистику, продажную любовь, осквернителей могил и наглых подростков. «Ну, брат, ты сегодня сорвал джек-пот», – мысленно сказал себе Волошин. С того часа, как из Москвы повеяло вестями об особом характере расследования, у него началась изжога и разболелся зуб. А теперь ещё этот неуставной столичный офицер со своими молодыми клеветами несёт невероятную чушь, одновременно требуя, чтобы по его указке работало всё отделение. Поморщившись, Волошин неприязненно окинул взглядом раздражающую компанию, получив в ответ безмятежные улыбки. «Да что за день сегодня», – вздохнул полковник.

– Егор Никифорович, – подчёркнуто-вежливо произнеся уютное русское имя, Мунн впи-лась цепким взглядом в полицейского, – Мы все связаны долгом и службой. Давайте работать вместе усердно и честно. Быстрее закончим – быстрее сможете от нас избавиться.

Отметив резонность её слов, Волошин засопел и поинтересовался:

– Вы же не собираетесь торчать тут весь день? Если закончили с осмотром, самое время поехать в отдел, предоставлю вам все документы, и сделаем перерыв на обед. Нечего на голодный желудок по борделям лазать.

Полковник заставил себя приструнить эмоции и возрастное ворчание. В конце концов, за мощной поддержкой ОО на самых верхушках вертикали власти стоит явная нужда в существовании подобных ведомств. И вообще, всё это – не его ума дело. Навидался умудрённый годами полицейский ситуаций и почуднее.

Антонов всегда относился с ироничным сочувствием к потрепанным бессонницей и повседневными заботами руководителям локальных силовых структур, впервые сталкивавшихся с вмешательством Особого Отдела. В девяноста процентах случаев он видел их именно такими: недоверчиво, а то и презрительно, раздраженными, угрюмыми и настороженными. В отличии от некоторых своих коллег, Роман Андреевич старался обходиться без явного давления и «барщины» по отношению к поставленным в затруднительное положение, и сотрудничавших по принуждению офицеров и чиновников (кроме самых тупых и наглых, какие тоже были не редкостью, но Волошин к этой категории гнилых яблок системы не относился). К тому же, следователь ОО прекрасно понимал, как выглядит его группа со стороны.

– Благодарю вас, но бумажки подождут, а перекусим мы по дороге, походным запасом, – поставил точку в распределении времени подполковник, – Если наша наспех созданная версия окажется верной, и тела не прибрал к себе какой-нибудь мирный отшельник-извращенец, а буйная молодежь и близко не подходила к захоронениям, то последствия могут быть куда серьёзнее чем кажется.

– Но разве вы не хотите сами ознакомиться более детально с обстоятельствами исчезновения *живых* людей? На данный момент следственные действия продолжаются, будут всплывать новые факты.

– О которых вы нас незамедлительно уведомите. Резкое обогащение и сад наслаждений поблизости – что может быть очевиднее, чем цепочка, связывающая два этих факта при анализе действий неблагополучных подростков? Мы займёмся их поиском немедленно. А вы – всеми возможными странностями в округе за последнее время. Особенно, имеющих явно кощунственный характер. Может быть, расчленение животных, надругательства над религиозными символами, ритуальное членовредительство, или эпизоды явно психически нездорового поведения. Если мы имеем дело с колдовством (тут Волошина передернуло), то нельзя пренебрегать никакими свидетельствами, которые могут вывести на след.

Снова подул холодный ветер, промчавшись резким порывом над зияющими могилами, словно разыскивая пропажу. Сочно-зелёная на ярких картинках весна не торопилась в здешние края, и если в лесном массиве сосны неизменно и стойко возвышались эстетической бесценной декорацией природы, то на кладбище сохранялось умеренно-скорбное уныние раннего апреля, что бывает неуютнее и серее осенних месяцев.

Роман Андреевич ещё раз окинул взглядом осквернённый погост, прежде чем расстаться с полковником и приступить к выполнению основного задания. Он вдруг вспомнил, как Алиса говорила за ужином, что иногда не события притягивают людей с определённым характером, а сами люди притягивают к себе определённые события. И, порою, очень не вовремя. Ох, не нравилось подполковнику что-то на этом кладбище, совсем не нравилось. Всё было неправильно, грубо и глупо. А объяснить, почему, он не мог. Пока не мог.

– Но зачем? – удивительно немногословно поинтересовалась дознаватель, когда следственная группа покинула неприветливое место.

Антонов, проявив сообразительность, легко расшифровал требовательный вопрос своей спутницы, пока Тимур равнодушно заканчивал походную трапезу в машине, не дождавшись остановки на обед.

– Ты и правда думала, что я брошу спецгруппу штурмовать Гоморру без разведанных? – Он вздохнул, понимая, что бойкая девица нуждается в объяснениях, и продолжил, – Во-первых, члены администрации подобных заведений чрезвычайно самонадеянны. Они непременно постараются взять нас «за мягкое», привлечь на свою сторону. Будет интересно узнать, что они могут предложить. Уже оскалив зубы, Отдел раскроет себя, и другого шанса на внезапность у нас не будет. А во-вторых, кто знает, не найдём ли мы и правда следы пропавших подростков в этом чудесном месте.

– То есть, вы действительно сами поверили в эту наспех сколоченную версию?! Почему?

Ответить подполковник не успел, пришлось отвлечься на входящий вызов и достать смартфон. Согревая отваром шиповника из термоса только что простуженное горло, Тимур наблюдал, как игнорируя нетерпение Мунн, Антонов размеренно кивал невидимому собеседнику, и на лице подполковника появлялось мрачное удовлетворение.

– Полиция установила, что трупы действительно перевозились в «газели», принадлежащей отцу девочки-подростка, единственной даме среди сверстников мужского пола. Преступники были не слишком аккуратны при транспортировке, добавил Антонов без подробностей. Не убедил.

– Вот он, – неприлично ткнула пальцем Мунн в невозмутимого эксперта, теперь приводящего в порядок растрепавшуюся прическу, – полон энтузиазма перед невинной экскурсией в элитный бордель. А наше начальство предпочло бы более решительные действия. Перевернуть бы там всё вверх дном, и получить поощрение за усердие. Вот это по-военному. И вернёмся к настоящей работе, даже можем всерьёз поискать ваших пропавших деток.

– Что делаешь – делай хорошо, – с удовольствием процитировал Роман Андреевич, – Мы будем вести следствие, а не воевать, – уверенно закончил он.

Тем временем, события этого дня продолжали развеивать сомнения насторожившегося по непонятной причине подполковника в естественности произошедших событий. Поступил отчёт аналитиков, убедительно показывающий, что все отклонения в атмосфере кладбища находятся в пределах нормы. Так же, снова вышел на связь начальник полиции, уведомив о том, что все подростки пропали одновременно, хотя заявлено о том было с разницей во времени, и в последний раз их видели в состоянии сильного алкогольного опьянения. «Никаких нечистых сил на охоте за детинами замечено не было, мётла из домов не пропадали», – съязвил Волошин, заканчивая доклад. Да и на улице распогодилось, а в плотном окружении сосен, где, по дороге в лупанарий, останавливались на пикник сотрудники Отдела, не было ни ветерка и приятно пахло хвоей. Даже Мунн наконец уgomонилась, и пустилась в пространные рассуждения о мотивах человеческих поступков, относящихся к девиантному с точки зрения общества поведению. Сытный обед, свежий воздух вдали от загазованного мегаполиса и изобилующий психологической терминологией монолог старшего лейтенанта действовали умиротворяюще на всех членов группы, включая её саму.

Тимур заметно приободрился, и снова с интересом поглядывал на неуёмного дознавателя, впрочем, без мужской увлечённости. Он думал о том, что такие социально активные девушки, привыкшие находиться в состоянии конфронтации с окружающим миром, наверно когда-то стояли на баррикадах революции. Интересно, кто-то уже пытался говорить им, что весь их внутренний огонь не врождённая жажда справедливости, как часто преподносится, а обычная любовь к бунтарству и «драйву». «Эх, психологи», – хмыкнул про себя эксперт, – «сапожники без сапог».

– Вы думаете, полковник что-то раскопает в продолжение этой кладбищенской истории? – обратился эксперт к следователю, чтобы прервать содержательный монолог Мунн, и заработал понимающий взгляд Антонова с нотой насмешливой благодарности.

– Обстоятельства так надёжно указывают на отсутствие аномалий, что начинаешь забывать, какое всё-таки применение некто найдёт похищенным телам. Кроме того, я чувствую

сильное противоречие в ситуации: с одной стороны, у заказчика есть незаинтересованные и крайне ненадежные для хранения таких секретов исполнители, у которых скорее всего, приглушен даже инстинкт самосохранения, так что запугивание надолго не поможет. С другой, их число достаточно велико, а шаг от кощунства и надругательства до массового убийства как-то не вписывается в общую картину. Значит, тот, кто всё это затеял, либо слишком глуп и не думает о последствиях, либо всё-таки рассчитывал втянуть исполнителей в свои планы, либо... задумал что-то, ради чего забрать семь жизней – малая цена. Боюсь, в этом случае, он будет действовать быстро и решительно. Возможно, уже слишком поздно, и буйные подростки больше никогда не побеспокоят местную полицию.

– Но ведь ещё остаётся шанс, что несовершеннолетние хулиганы просто одурели от дешевой наркоты и устроили тошнотворный перформанс, – проворчала не желающая сдаваться Мунн, и добавила более профессиональным тоном – Асоциальные личности могут очень далеко зайти в своём стремлении эпатировать общество. Вот сейчас кто-нибудь позвонит и скажет, что в интернете появились шокирующие кадры хулиганской выходки... ну и так далее.

На этот раз Тимур не стал отвлекаться на упрямую спорщицу. Он вспомнил ещё одну странность в этой неуклюжей миссии Отдела.

– Почему никто не сказал об украденных телах? Это ведь уже не обычный вандализм.

Он только сейчас понял, что само действие было принято ими как должное, но, по факту, имело место подозрительное замалчивание основной детали на момент формирования следственной группы.

– Конечно же, руководству нужно было услышать от меня обещание в первую очередь заниматься оговоренным делом. Уверен, что все чувствовали дурной запах от информации о разграблении здешних могил, но предпочли не настраивать нас на отвлечённые темы. Некоторые до сих пор не понимают, что в нашей работе основная опасность исходит не от действия, а от того, кто его совершил, – покачал головой Антонов.

Прошло меньше получаса следования по извилистой дороге, когда машина резко сбавила скорость перед съездом на прилегающую просёлочную дорогу. Широкий накатанный путь долго вёл автомобиль в рыжине старых сосен к резкому спуску, направляя автомобиль в глубокую низину. Васильковая твердь небес, испачканная кляксами игольчатых верхушек деревьев, отдалилась и потускнела. Вскоре впереди показались массивные таблички со строгими предупреждениями о въезде на частную территорию. Затем – тяжелый шлагбаум из цельного металла, почему-то открытый. Рядом блеснула мутным окошком сторожевая будка охраны, но никто не вышел из неё. Когда следственная группа миновала первый рубеж, Тимур почувствовал беспричинную тягость, непохожую на обычное волнительное напряжение. Антонов морщился и смотрел только на дорогу прямо перед собой. Мунн, принявшаяся было снова поносить распущенных сластолюбцев, стихла и только бросала исподлобья взгляды рассерженного хоряка. Около двух километров по заявленной как частной территории группа проехала в молчании. Наконец дорога привела их к мощным воротам в высокой кирпичной стене, опоясывавшей крупный участок земли в сосновом лесу.

Протяжный и резкий сигнал клаксона не произвел никаких изменений в общей атмосфере этого места. Выйдя из машины, все трое, каждый по-своему, отметили необычную приторную ауру этих мест, будто они вовсе не на природе, а вся окружающая экосистема находится внутри какого-то огромного помещения, только имитирующего привычный мир.

Но всё так же шумели старые сосны, и проносились над ними суетные птицы в вышине. И вот уже распахнулись навстречу непрощеным посетителям тяжёлые створы. В широком проёме стояла высокая красивая девушка с волосами сочного ярко-синего цвета, в накинутой прямо на латексный комбинезон явно не по погоде роскошной шиншилловой шубе. Сочные чувственные губы манили волшебной улыбкой, каждое слово и жест дышали приветливостью и радостью встречи.

– Дорогие друзья! – голос лесной чаровницы звенел и переливался оттенками всех наслаждений мира, – Драгоценные гости! Добро пожаловать в нашу обитель!

Глава четвёртая РАСПЛАТА

Буйная, пышущая зеленью природа влажных тропических лесов Азии была призвана покорять сердца путешественников и туристов своим праздником жизни, разнообразием флоры и фауны, и неповторимой экзотикой. Вдали от крупных перенаселённых городов, на курортных островах царила почти наивная безмятежность, омываемая внезапными и краткими тёплыми ливнями. Местное население отличалось радушием, приезжие отдыхали легко и беззаботно, вволю смеясь, набираясь здоровья и хорошего настроения.

Но в каждом Эдемском саду найдётся свой змей. Для обитателей иных климатических зон микроорганизмы азиатской среды не раз преподносили неприятные сюрпризы, выявляя слабые места в растерянном перед неизвестным врагом иммунитете. И вот уже долгожданный отдых оборачивался серьёзными проблемами, о которых каждый, будучи в курсе слухов, мысленно говорил: «ну, со мной же такого не произойдёт».

Неизвестные, зачастую не поддающиеся классификации на поздней стадии поражения организма возбудители, вызывали весьма неприятные последствия как для любителей экзотической «клубнички», так и для излишне увлекшихся погружением в дикую природу любопытных туристов. Пресловутая лихорадка Денге была лишь безобидным неудобством, по сравнению с иными, к счастью очень редкими, бедами приезжих. Один из посетителей «массажного салона», вернувшись в Германию слёг, поражённый энцефалитом головного мозга. А две молодые англичанки со следами укусов насекомых лишились зрения и слуха вследствие сильной аллергической реакции. Но все же, число подобных примеров было невелико, а, в сравнении с бесчисленной толпой всесезонно посещающих даже самые дальние острова гостей, и вовсе незначительно. После печального отбытия в клинику, родную страну, или мир иной, о них всех быстро забывали.

Были и немногие пострадавшие, что узнавали о постигшем их несчастье только по возвращении домой, и лучшие врачи европейских стран разводили руками. И когда в одну из лучших московских клиник после совместного отпуска привезли целую семью, столичные эскулапы вздохнули, засучили рукава и... ничего не добились. Муж и жена Ланины, их малолетняя дочь Аня, и Николай Ланин, родной брат главы семейства (и совладелец крупного бизнеса), через сорок восемь часов после того, как сошли с трапа самолёта, рухнули в жутких судорогах. Всех четверых едва успели доставить в реанимационное отделение, где они с трудом задержались на этом свете, и вот уже который год не покидали больничных стен.

Руслан Ланин, сын успешного предпринимателя и бывшей модели, чьи изображения красовались на рекламных проспектах ведущих брендов, плавно и беспечно миновал пору золотой молодости, и готовился к серьёзному будущему в быстроразвивающемся бизнесе отца. Но в одночасье оказался беспомощен перед жестоким поворотом судьбы. Отказавшись путешествовать вместе с семьёй, юноша избег их участи, но, когда пришла беда, оказался наедине с неизвестностью. Проходили дни, недели и месяцы, улучшения состояния Ланиных, обречённых на растительный образ жизни, и медленно угасавших, не наступало. Жадные руки конкурентов незамедлительно вцепились в бизнес отца семейства, и в кратчайшие сроки растащили самые выгодные контракты, подорвали управление совета директоров, и привели компанию к упадку, обесценив активы, чтобы за гроши скупить по частям ещё недавно процветающие предприятия.

Парализованным членам семьи требовались безумно дорогостоящие операции, постоянные трансплантации органов и тканей, и круглосуточный уход лучших специалистов. Плоть

их гнила заживо, кости становились хрупкими и слабыми, а, вдобавок, неизвестная болезнь грозила полной потерей всех органов чувств. Сквозь истончившуюся кожу проступали набухшие узлы нитевидных образований, и врачи не могли объяснить их природу. На больных было страшно смотреть, но они продолжали жить, страдая в искалеченных телах. И вот, когда срок ужасного для юноши и его родных несчастья стал исчисляться годами, средства на банковских счетах иссякли.

Руслан не смог вытянуть стремительно скатывающийся в пропасть бизнес без поддержки отца. И когда последние отложенные средства, и суммы, полученные за спешную продажу имущества, наконец закончились, надежда угасла. За это время юноша растерял свой внешний лоск, потерял всех друзей, уставших от его жалобных просьб, и не смог найти достойного дохода, чтобы оплачивать счета за лечение. Субсидий по государственным программам хватало, чтобы продлить существование несчастных, но рекомендованные врачами экспериментальные методы не попадали ни под одну классификацию, и стоили столько, что подобный расход бюджетных денег оставил бы без поддержки добрую сотню больных. Тогда взглянул Руслан с вожделием на чернеющую пустоту безлюдного ночного двора из окна своей последней квартиры на двадцать пятом этаже высотного дома. Ему оставалось сделать всего один шаг, но юноше не хватило смелости.

Когда Тина вернулась в его жизнь, Руслан не сразу узнал ту девочку-студентку из минувших лет, превратившуюся в породистую, опасную хищницу, желанную для женщин и мужчин, но хладную ко всем живым существам. Она протянула ему руку помощи, явившись неожиданным чудом избавления, и много говорила о том, что не помнит обид, и отдаёт долг той теплоте, что когда-то связывала их в цветущей юности. Деньги и связи Мельниковой совершили невозможное: после экспериментальной терапии Аня впервые за прошедшие годы произнесла несколько слов, а родители Ланина смогли при помощи медперсонала сделать несколько осторожных шагов по новой чистой палате. Вскоре медленно смог подняться со своей койки и дядя Руслана, а сестра даже слабо пожала руку брату анорексичными от истощения пальцами. Юноша долго плакал, улыбаясь, в тот день.

Он смотрел на спасшую его семью девушку, как на светлого ангела, заискивая заглядывая в глаза бывшей подруге, и постоянно благодаря тихим шёпотом, пока Тина, смеясь, не закрывала ему рот холодной ладонью. Втайне она ликовала представившемуся шансу. И ловушка захлопнулась.

– Сегодня наверху беспокойно, – кривоногий экзекутор в перемазанном биологическими жидкостями халате неприятно оскалился широким ртом, впуская охранников, волокущих нагого юношу. Его покормили в общей столовой, где рабы ели отбросы как собаки, и, не давая одежды, привели сюда, отдав в распоряжение одному из тех, кто распоряжался чужой плотью в подземелье лупанария.

– Сказано, что не нашего ума дело, – с затаённым любопытством проговорил один из близнецов, надеясь удовлетворить его через болтливость хозяина этой части борделя.

Четыре экзекутора царили в преисподней Гоморры, подготавливая рабов для извращенных утех изобретательных клиентов. В отличии от хозяек, они не имели никакой административной власти, но Госпожа ласково относилась к звериным душам бесов этой геенны, и в своём мире они были ровней восьмерым её хищницам.

– Раз сказали, значит так оно и есть, – отрезал Войцех, разочаровав охранника и жадно разглядывая юношу с профессиональным любопытством.

Экзекутор был умён. Много мужчин и женщин прошли через его руки, глубоко в душу впивались черные цепкие глаза, безошибочно угадывая самые уязвимые места. Когда мужчина беззастенчиво ощупал юношу, Руслана вырвало от отвращения, и Войцех издал короткий довольный смешок. Ему это было видеть не впервые.

– Брезглив, труслив, нежен и слаб, – оценил экзекутор беспомощного молодого человека, поправляя очки в металлической оправе и плотно цокая языком, – Будет легко и приятно работать.

Он был из тех немногих, кто с удовольствием и энтузиазмом совмещал свои обязанности в лупанарии с основной работой. Учащимся педагогического университета и в бредовом сне не могло бы привидеться второе «я» тихого некрасивого доцента.

Войцех отпустил охрану. В его распоряжении были слуги поинтереснее. Раб-мулат громадного роста, одетый только в бурую набедренную повязку и широкий кожаный ошейник крепко схватил юношу за шею железной пятернёй и поволок к причудливым фиксаторам, предназначенным, чтобы надёжно сковывать человеческие тела в самых откровенных позах. И новый круг ада раскрылся для беспомощной жертвы Гоморры.

– Теперь ты родишься заново, – вдохновлённо изрёк экзекутор.

Искреннее сочувствие и неподдельное участие проявилось в тёплых словах Тины, когда оказалось, что даже её возможности не безграничны. Животворный поток финансирования операций и процедур иссяк. И снова начались дни отчаяния и горя. Больничные койки мёртвой хваткой вернули себе тела Ланиных, из которых теперь круглосуточно тянулись прорезиненные трубки катетеров. А на лице их одиннадцатилетней дочери снова угас появившийся на краткое время слабый румянец. Металл и стекло медицинских приборов и инструментов не спасали от хлыстов батонеби, внезапная надежда захлебнулась гноем разрушающейся плоти.

Врачи по-прежнему отводили глаза на все вопросы о природе заболевания. Удалось установить только, что больные не заразны: страшный недуг не передается ни одним из известных путей, и умрёт вместе со своими носителями. Тогда юноша упал перед своей благодетельницей на колени в неистой мольбе.

Бывшая возлюбленная, не спеша и притворно колеблясь, поведала молодому человеку о месте, где он сможет работать, чтобы спасти свою семью от мучительной смерти. Она обещала такой высокий доход, которого хватит, чтобы оплатить лечение, способное остановить регресс. Но посоветовала не медлить с решением. И Руслан не потратил на раздумья ни одной лишней минуты.

Противоречия и слепые эмоции ранней юности легко и без сожаления поджигают вечные ценности морали, наслаждаясь красотой разрушительного пламени. Самодовольно молодость требует у взрослого мира индальгии своим безумствам, оправдываясь буйством крови и чувств. И Руслану хотелось идти – нет, бежать – все дальше и дальше по дорогам жизни, а вовсе не запереться в маленьком мирке скучного уюта. Он не знал о беременности Тины, но и это не заставило бы юношу на заре своей молодости, обладавшего богатством, харизмой и привлекательной внешностью заковать себя в оковы семейного счастья и усмирить шторма своего внутреннего моря. Греческая красота и уверенные манеры пресыщенного обожанием ловеласа бросали в его объятия такое количество женщин, что сама мысль о свадьбе казалась смешной. В то время думалось ему естественным и разумным пренебречь чувствами какой-то очередной влюблённой девчонки ради яркого праздника будущих лет под гром незримых аплодисментов. Его ласкали замужние женщины, и ублажали молоденькие девчонки. Друзья любили и уважали, а родители гордились, что, несмотря на избалованность, их сын не превратился в капризного инфантила, а обладал трезвым рассудком и расчётливым умом. Дорога в будущее Руслану была обеспечена.

Но теперь ему не нужно было так много, и даже десятой доли того. Только чтобы снова вернулась его семья, и в доме зазвучали родные голоса. Ради этого он готов был на всё, и слова Тины, с самого начала не скрывавшей особенностей работы жрецов любви в лупанарии, не остановили его. Может он рассчитывал, что его утончённая внешность будет предлагаться только возрастным жеманницам, не жалеющим денег на свое баловство перед стремительно надвигающейся старостью. А может и вовсе не думал ни о чём, подписывая странные бумаги

«трудоустройства». В тот момент он так сильно доверял Мельниковой, что и в мыслях не имел вникать в пространное соглашение и полные пустословия доверенности. Но даже сейчас, в преисподней Гоморры, у Руслана не было ответа: смог ли бы он отказаться, зная, что его ждёт?

– Скоро ты забудешь, что ты такое, и все, что было в твоей жизни вне этих стен, – почти нежно проговорил Войцех, отступая и любуясь делом своих рук и большого воображения.

Юноша, перепачканный слизью и смазкой, лежал без чувств на гинекологическом кресле. Шесть часов самых мерзких истязаний лишили Руслана сознания, но тело ещё вздрагивало в судорогах. Первым его взял раб-мулат. А потом пришли и другие. Экзекутор внимательно наблюдал и приказывал. Жертву насиловали снова и снова, накормив сильными возбуждителями, и принуждали самого выплёскивать семя, которым пленнику вымазали лицо. Его били током и плетью, подвешивали, растягивая суставы и пытали гениталии. Заставляли мастурбировать во время мучений и давясь чужой плотью, а потом самому вымалывать новые унижения. Всё, что делали с юношей в комнате экзекутора, было подчинено одной цели: искалечить сознание, затравить и вырвать собственное «я», превратить отвращение в зависимость от порочных омерзительных страстей и уничтожить свободу разума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.